

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара

Автор:

[Лана Мейер](#)

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара

Лана Мейер

Алекс Д

Восточные (не)сказки #5

Мактуб – роман, сочетающий в себе восточный колорит; чувственность, страсть и интриги в горячих отношениях Джамала и его упрямой Эйнин; слияние сильного мужского характера и гордого женского нрава, которому нет места в их отношениях. Каждое столкновение героев – балансирование на грани, бег по раскаленным углям или роковая встреча, уготованная судьбой? Джейдан: От нее пахнет красками, шотландским виски, солеными слезами и единственной женщиной, к которой хочется прикоснуться, убивать, спасать, ненавидеть, прощать, любить, забывая собственное имя. И этому нет никакого объяснения и не малейшей возможности исправить, вычеркнуть или забыть. Эрика: Хочу в мир, где будем только мы, только ты и я. Но я не смогу принять то, что стану третьей, или даже первой из трех. Я никогда не буду единственной, в то время как ты – единственный мужчина, с которым я связала бы свою жизнь.

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара

Жизнь без любви – цветок без аромата, как говорят на Востоке.

Понсон дю Террайль. Тайны Парижа.

Пролог

Провинция Кемар. Поселок Аззам. Семнадцать лет назад

Имам Ибрагим пришел на торжество последним. С его появлением смех и музыка стихли, и все присутствующие склонили головы в почтительном молчании. В тени финиковых пальм за простыми деревянными столами на широких скамьях, которые гости вынесли из собственных домов, расположились почти все жители Аззама. В самом центре, на отдельном кресле, обтянутом белой тканью, в традиционной головной убора и расшитой золотом рубахе усадили самого виновника события – одиннадцатилетнего Джамала Камала, который с задумчивым выражением лица и вымученной улыбкой принимал поздравления от многочисленных гостей, среди которых почти не было женщин.

Исключение составляли только мать и сестры Джамала. Оставаясь практически незаметными, они бесшумно сновали между столами, подливая воду, сок и травяной чай в стаканы; убирали грязную посуду и доносили блюда с угощениями, состоящими в основном из баранины и тушеной фасоли, отварного риса, свежих овощей и фруктов, фиников, щербета и других восточных сладостей. Ибрагим занял место рядом с Омаром Камалем, ободряюще улыбнулся побледневшему Джамалу.

– Сегодня особый день, Джамаль. Ты проявил смелость и укрепил свою веру и должен запомнить его, как лучший в своей жизни, – произнес Ибрагим. – Это мой скромный дар тебе, – извлек из широких складок рясы небольшой бумажный сверток и протянул мальчику. Джамаль поблагодарил Ибрагима. Он уже точно знал, что внутри. Коран – традиционное неизменное подношение имама.

Торжество в центре маленького поселения устроили по случаю совершения обязательного для всех мусульманских мальчиков обряда. В бедном поселении Аззам суннет (прим. автора: исламский термин, означающий обряд обрезания, представляющий собой усечение крайней плоти) праздновался с особым масштабом. Если семья была слишком бедна, чтобы подготовиться к церемонии и после угостить гостей, то все жители поселка принимали участие, помогали деньгами, приносили в дом родителей мальчика продукты и ткани, чтобы мать

могла сшить сыну для обряда новый костюм.

Но если для родителей, близких родственников и гостей суннет был радостным событием, то мальчишки, как правило, очень волновались перед обрядом. Первое испытание будущего мужчины на храбрость, первая боль, которую нужно пережить, не показав окружающим своего страха. Имам Ибрагим много лет проводил церемонию сам, в мечети, в присутствии близких родственников. Несколько десятков мальчишек от рождения до двенадцати лет прошли через его руки, и все они сейчас присутствовали здесь, чтобы поздравить Джамалю Камалю.

– Пришел мой черед поздравить тебя, Джамаль, – немного волнуясь, начал его отец. Омар встал, поправил белоснежную кандуру, надетую в честь праздника, и извлек из кармана тряпочный мешочек, уместившийся в ладони. – Теперь ты достаточно взрослый, чтобы оценить значение моего дара, – Омар наклонился к сыну и положил кулек в протянутую руку сына. – Ты был послан мне самим Аллахом в утешение, когда мы с женой горевали после потери нашего первенца, и сейчас стал опорой и помощником. Каждый день я возношу молитвы Всевышнему за то, что он указал мне путь, когда я пребывал в отчаянии, – взволнованно проговорил Омар.

Мальчик мягко улыбнулся отцу и с любопытством расшнуровал тоненькую веревку, перетянувшую мешочек, перевернул и изумленно выдохнул... Ему в ладонь упал тяжелый перстень, излучающий благородное сияние. Он взял его пальцами, с восхищением, немного даже недоверчиво рассматривая со всех сторон. Да и как тут поверить собственным глазам? Откуда у бедного реставратора могло взяться такое дорогое украшение? Сверкающие драгоценные камни так и притягивали взгляды не только Джамалю, но и всех присутствующих. На оттиске перстня при близком расстоянии можно было увидеть серебристую лилию, обвитую змеей с глазами-рубинами.

– Очень щедрый подарок, – не сводя глаз с кольца, произнёс имам Ибрагим, но, спохватившись, что не дал сыну поблагодарить отца, замолчал и учтиво отвел взгляд.

– Спасибо, отец. Я сделаю все, чтобы ты никогда не разочаровался во мне. Клянусь, что всегда буду опорой тебе, матери и сёстрам, – взволнованно произнес Джамаль, сжимая перстень в кулаке. – Но Аллах свидетель, имам прав, это слишком дорогое подношение.

– Кольцо принадлежит тебе, Джамаль, и я хочу, чтобы ты хранил его, и, когда наступит подходящий момент, передал своему сыну. Пообещай мне.

– Клянусь, отец, – кивнул мальчик, вставая со своего импровизированного трона и обнимая отца, у которого в глазах сверкнули слезы.

Чуть позже, когда эстафета поздравлений перешла к другим жителям Аззама, Ибрагим обратился к Омару с вопросом, который не давал ему покоя с того момента, как он увидел в ладони Джамала кольцо.

– Кто так щедро расплатился с тобой за работу, Омар? – негромко спросил он. – Или ты купил кольцо в ближайшем городе?

Мужчину не задел нетактичный вопрос Ибрагима. Они много лет были знакомы, Омар часто выполнял разного рода поручения имама за символическую плату и давно считал себя его другом.

– Я нашел перстень в пустыне, Ибрагим, – немного поразмыслив, прежде чем ответить, произнес Омар.

– Махрус благоволит тебе, друг. Обычно он безжалостен к одиноким путешественникам, – задумчиво отозвался имам, обратив на Джамала Камала внимательный взгляд. Ему вдруг вспомнилось, как одиннадцать лет назад, едва успев похоронить первенца, Омар вернулся с заработков с еще одной трагической вестью. Умерла при родах его сестра, которая много лет назад вышла замуж и уехала в небольшой городок по ту сторону Махруса. Младенец выжил, но оказался круглым сиротой. Муж несчастной умер от пневмонии за несколько месяцев до рождения ребенка. Ибрагим тогда поддержал желание Омара вырастить племянника, как родного, не раскрывая ему печальных обстоятельств его появления на свет.

– Ты говорил, что твой сын тоже неплохо справляется с кистью? У меня, пожалуй, найдется для него работа в мечети, – произнес Ибрагим, широко улыбаясь старому другу.

* * *

Анмар. Пять месяцев назад

Джамаль

Я знаю, почему Кадер не убил меня. Я знаю, кто мог вызвать группу АРС в столицу Кемара раньше времени. Я до хрена чего знаю, но сейчас должен сыграть роль того, кем привык меня видеть Таир Кадер.

- Он назвал имена? - сыплет вопросами полковник.

- Нет. Никаких прямых обвинений.

- Он что-то говорил о премьер-министре Дамире Видаде? - конкретизирует Кадер, заодно проверяя мою реакцию на прозвучавшее имя.

- Нет. Ни слова, - бессовестно лгу. - Предполагаю, что информация сфабрикована с целью нанести удар по кабинету министров и дискредитировать короля в глазах народа и правительственных структур других стран, посеять смуту и на почве многолетнего растущего недовольства правлением аль-Мактума свергнуть монарха, заручившись политической поддержкой влиятельных союзников.

- Кому это нужно?

- Искандеру аль-Мактуму, - озвучиваю я одну из имеющихся версий. - Наследник не собирается ждать смерти короля. Ему нужна власть, трон психически нестабильного отца. В руках американцев подобная информационная бомба сможет нанести серьезный урон политике Анмара, повлечь за собой многочисленные необратимые последствия. Мы оба понимаем степень угрозы, Кадер.

- Почему я должен тебе верить?

- У меня нет причин лгать. Нет причин сотрудничать с ЦРУ и отказываться от страны, которая, как ты правильно заметил, дала мне все, что я имею. Дай мне закончить операцию, Кадер. Я получу данные и ликвидирую Видада. Я знаю, где

его искать. Без меня вам его не найти. Времени нет. Возможно, прямо сейчас они покидают Анмар.

- А если снова провалишь задание и упустишь его?

- Сделаешь то, что посчитаешь нужным.

- Ты помнишь, какой вопрос я задал тебе, когда мы встретились с тобой в первый раз? - резко меняет тему полковник с целью поставить меня в тупик.

- Да, сэр, - сглатываю я.

Шаги Кадера стремительно приближаются, отскакивая от стен гулким эхом. Он резко сдёргивает повязку с моих глаз, и я жмурюсь, хотя освещение в комнате для допросов достаточно тусклое, чтобы не травмировать сетчатку. Пока Кадер снимает металлический обруч с моего горла, я, проморгавшись, озираюсь по сторонам слеповатым взглядом. Картинка немного плывет, двоится и троеится, фокус нарушен из-за удара по голове и продолжительного давления на глазные яблоки.

Обстановка вполне ожидаемая: стальные звуконепроницаемые стены, металлический стол, прикрепленный к полу, круглая раскачивающаяся лампа под потолком, тяжелая железная дверь. В этих карцерах допрашивают особо опасных политических преступников в целях сохранения полной секретности данных показаний. Интересно, чем я заслужил подобную честь?

- Прочитываешь? Можно своими словами, - продолжает Кадер, снова вставая передо мной. Он, бл*дь, издевается? Дерьмовое чувство юмора, или умом тронулся и решил предаться ностальгии?

- «Ты хочешь научиться стрелять в тех, кто уничтожил Аззам? Я не говорю про правосудие и закон. Придется держать оружие. Направлять в головы тех, на чьих руках кровь многих невинных жертв. Ты сможешь, Джамаль?»

- Феноменальная память, - констатирует Таир. Если он и удивлён, то виду не подаёт. Я глубоко втягиваю тяжелый спертый воздух. Без ошейника дышать стало заметно легче.

– В момент стресса возможности памяти могут обладать противоположными свойствами – стирать обстоятельства травмирующих событий или фотографически отпечатывать их в подсознании, – ровным, бесстрастным тоном сообщаю я, бросая выразительный взгляд на свои прикованные к подлокотникам «пыточного» кресла запястья. Кадер невозмутимо пожимает плечами, не торопясь освободить мои руки.

– Ты всегда был самым способным среди агентов, Джамаль. У тебя есть здравый смысл и правильно выработаны инстинкты выживания, ты чувствуешь опасность и обладаешь быстрой реакцией, умеешь принимать самостоятельные решения, не боишься ответственности и готов исправлять совершённые ошибки даже ценой собственной жизни, – к моему недоумению Кадер пускается в перечисление моих достоинств. Техника «хороший полицейский» сейчас не совсем к месту. На меня не действуют стандартные уловки во время допроса. Я их выучил наизусть еще в первые годы обучения. – Но сейчас мне необходимо быть уверенным в правильности твоих приоритетов.

– Тебе они известны, Кадер. Я работаю на благо королевства, – четко отвечаю я. Таир пристально смотрит мне в глаза и отводит взгляд первым.

– Означает ли это, что ты по-прежнему готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам?

– Да, полковник, – киваю я, озадаченно сдвинув брови. Почему он заговорил об Аззаме именно сейчас?

Кадер снова делает шаг вперед и, не глядя на меня, отстёгивает сначала один железный браслет на запястье, потом другой. Облегченно вздохнув, я разминаю затекшие руки и, подняв голову, натываюсь взглядом на протянутый Кадром пистолет.

– Зачем? – хмуро спрашиваю я. Кадер сосредоточенно и решительно смотрит на меня.

– Возьми, – отдает жёсткий приказ. И когда я выполняю, командует снова. – А теперь поднеси к своему виску и стреляй.

– Я вроде как уже собирался это сделать, но ты меня остановил, – ему впервые удалось поставить меня тупик. Если это какой-то новый экзамен, то я явно к нему оказался не подготовлен.

– Сейчас не стану. Давай. Ты только что сказал, что готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам, – наши взгляды скрещиваются в напряженном поединке.

Пuls подскакивает, простреливая виски резкой болью. Перед глазами снова расплываются тёмные пятна. Прищурившись, я сжимаю кольт в руке, пытаюсь понять, что именно хочет от меня Таир Кадер. Существует только одно логическое объяснение, а это означает, что пришло время открывать карты, но первый ход я оставляю за полковником. Уверен, что у нас с ним разнящиеся версии событий. И чтобы выиграть в конечном раскладе, мне придется придержать козыри в рукаве.

– Отец никогда не рассказывал тебе о том, как ты появился в его семье, Джамаль? – Повернув голову набок, ровным тоном спрашивает Кадер.

– Нет, – хрипло отвечаю я, качнув головой. – Наверное, как и все остальные дети, – опускаю глаза, ощущая предательскую боль под ребрами. Это неправда...

– Нет? – резкий голос Кадера выдергивает меня из тяжелых воспоминаний. Я отрицательно киваю головой, стиснув челюсти до хруста. – Или мне говорить не хочешь?

– Отец ничего мне не рассказывал, – стальным тоном повторяю я. Таир проходит по мне изучающим взглядом.

– А подарок его помнишь? Уверен, что да. С твоей-то памятью.

– Откуда тебе известно про кольцо? – вскинув голову, ожесточённо спрашиваю я.

– Помнишь, значит, – ухмыляется Кадер с толикой удовлетворения.

Отходит назад, присаживается на край стола, сунув руки в карманы военной формы. Сукин сын уверен, что контролирует ситуацию. Хотя, учитывая мое

положение, у него есть на это все основания.

– Я потерял его в мечети вовремя теракта, – произношу я, не сводя с полковника сверлящего настойчивого взгляда. – Никто не знал!

– Почему ты так уверен? Я же знаю, – передергивает печами Кадер, доводя меня до бешенства своим снисходительным видом.

– Откуда? – рычу я, и, словно издеваясь, Таир выдерживает значительную паузу, берет бутылку воды со стола и бросает мне в руки. Быстрота реакции не подводит, несмотря на небольшую рассеянность сознания.

– Под пытками люди бывают очень болтливы. Особенно женщины, – расстегивая пару пуговиц на рубаше, произносит Кадер. – Когда наш отряд прибыл в Аззам, спасти было некого, и мы бросили все ресурсы, чтобы вычислить исполнителей теракта. Это было несложно. Они здорово наследили и уйти далеко не успели. На выполнение этой задачи ушло несколько дней. Обнаружили, окружили и захватили повстанцев без боя, застав врасплох. Нас насторожило сразу несколько моментов. Накрыв преступную банду, мы освободили больше десяти пленников, которых, по всей видимости, собирались продать торговцам Шатров, но из Аззама был только ты и в клетке держали исключительно тебя. Да и сам теракт отличался от остальных провокаций повстанцев. Аззам – достаточно мирный поселок, ничем не выделяющийся, население бедное, по большей части необразованное. И к тому времени повстанцы заметно поутихли, а тут вдруг такая трагедия! Поэтому вопросы, разумеется, у меня возникли. Я тогда еще сам участвовал в операции, а не в кабинете бумажки заполнял. Допрашивали долго, убудки стойкие попались, но заговорила только женщина. И очень интересную рассказала историю. Я бы не поверил, но совпадения слишком очевидные, – Таир снова останавливается, испытываяще глядя мне в глаза. Его интересует моя реакция, но ему невдомек, что я делаю то же самое: детально анализирую каждое слово, интонацию и мимику, с которой оно произнесено.

– Что он тебе рассказал? – не выдержав, резко спрашиваю я.

– Теракт заказал кемарский шейх Шараф аль-Гафар, по утверждению этой суки являющийся одним из организаторов Шатров Махруса. Обещал огромное вознаграждение, если будут выполнены все условия. А потребовал он уничтожить Аззам, сжечь дотла, сравнять с землей, в живых оставить только

Джамалю Камалю и доставить к нему. Я экстренно организовал спецоперацию, и Шарафа аль-Гафара вычислили и перехватили, когда он находился на территории Анмара. Стойкость шейха к пыткам оказалась ниже, чем у исполнителей его приказов. После третьего допроса он уже не отрицал своей причастности к деятельности Шатров и сдал нам несколько громких имен, среди которых значились бизнесмены и шейхи, проживающие не только на территории Кемара, но и в Анмаре. К сожалению, вся структура Гафару была неизвестна, и он назвал только тех, с кем сотрудничал лично. Организаторы бизнеса на живой плоти намеренно создали сложную иерархическую цепочку, чтобы обезопасить верхушку. Когда мы частично разобрались с первым вопросом, перешли ко второму – к мальчику, ради похищения которого уничтожили целый поселок. И то, что я узнал, повергло меня в шок. Шараф аль-Гафар в Кемаре вел внешне благочестивую жизнь, спонсировал школы и приюты, совершал паломничества в Мекку, где однажды и познакомился с азамским имамом, поведавшим ему удивительную историю об одном из своих прихожан и его сыне. Имам рассказал, что однажды Омар вернулся из пустыни с младенцем на руках, сообщив, что это ребенок его сестры, оставшийся круглым сиротой, и стал воспитывать как родного. Обычная вроде история, банальная. Сколько таких семей? Да вот когда во время празднования суннета отец подарил сыну кольцо, которое вряд ли было по карману Камалю, перебивающегося временными заработками, имама заинтересовало его происхождение. На прямо заданный вопрос Омар ответил, что нашел перстень в пустыне. Имам, как лицо религиозное, воспринял историю Камалю как промысел Всевышнего. Мало кого Махрус одаривает дарами. Чаще убивает или сбивает с пути, а тут сначала ребенок, потом кольцо. Чудо, не иначе. Но только Шараф аль-Гафар в чудеса не верил. Он выпросил у имама все подробности: возраст мальчика, точную дату рождения, цвет волос, глаз, как выглядит кольцо, откуда возвращался Омар Камаль, когда появился в посёлке с ребёнком на руках, – Кадер замолкает, задумчиво потирая подбородок, словно сомневаясь, стоит ли продолжать дальше. Его взгляд неотрывно блуждает по моему лицу.

– Почему ты замолчал? Говори дальше, – требую я.

– Я скажу, если ты дашь мне клятву здесь и сейчас, что все, что будет сказано в этих стенах, никогда не выйдет за их пределы, – металлическим тоном отвечает он.

– Считай, что она у тебя есть. Я могу подписать документы о неразглашении, если необходимо.

– Все изменится после того, как ты узнаешь правду.

– Говори, – мы обмениваемся напряженными взглядами, после чего Кадер коротко кивает.

– Нам придётся вернуться на двадцать восемь лет назад. К тому моменту, когда жена короля была похищена торговцами в пустыне. Все, кто ее сопровождали, были убиты, а ее тело нашли только спустя полгода.

– Мне это известно из отчетов, – ровным голосом сообщаю я, ощущая, как по позвоночнику стекают капли холодного пота от бешеных усилий удержать себя в состоянии внешней невозмутимости.

– Тогда тебе должно быть известно и то, что ее обнаружили на следующий день после твоего рождения. А изображение на оттиске перстня, которое имам необдуманно описал Гафару, являлось частью графского герба, принадлежавшего старинному датскому аристократическому роду, из которого происходила Карен Остен. И если бы ты поднял старые выпуски газет со времен, когда она прибыла в Анмар впервые, то смог бы узнать на сохранившихся фотографиях кольцо, подаренное тебе Омаром Камалем.

– Если бы я родился шестимесячным, то не выжил бы, – ожесточенно произношу я.

– Правильно, Джамаль, – кивает Кадер. – Думай дальше.

– В отчётах нет ни слова о том, что Малика была беременна в момент похищения.

– Об этом никто и не знал, кроме короля и его близкого окружения. Махмуд ибн Фахид аль-Мактум запретил вносить эту информацию в архивы даже с грифом строгой секретности. Теперь ты понимаешь глубину его отчаяния после исчезновения беременной жены? Он потерял не только любимую женщину, но и ребенка. Его ярость уничтожила не только причастных к похищению, но и невинных людей, и этих смертей ему до сих пор не простили. У короля много врагов, они повсюду, даже на нашей земле. Король одержим мыслью, что его окружают предатели, и его сложно упрекнуть в предвзятости.

– Почему его... то есть меня, не искали? – оборвав Кадера на полуслове, спрашиваю я.

– Мы нашли обезображенное, объеденное дикими животными тело Карен Остен, Джамаль. Надежды на то, что рожденный ребенок выжил и не был разорван хищниками не было, – жёстким тоном произносит Кадер. Я задерживаю дыхание, отгоняя представленную ужасающую картинку. К горлу подкатывает горький комок, и я сглатываю его, запивая водой из бутылки. Как бы ни было тошно, но мне необходимо, чтобы Кадер говорил дальше. Это поможет собрать недостающие данные, – Мактум тоже ее видел, Джамаль. Он узнал Малику по волосам и родинке на шее. И, разумеется, экспертиза подтвердила, что останки принадлежат Карен Остен.

– Если Гафар знал, что Малика была беременна, значит он имел отношение к ее похищению, – прихожу я к логичному выводу.

– Виновные нам известны, но, к сожалению, правосудие не всех настигло, – взглянув на циферблат наручных часов, произносит полковник. Этот жест говорит мне о многом. Сжимаю зубы, пытаюсь сохранять невозмутимость. – Кахир аль-Мактум, младший завистливый брат, организовал похищение. Малика отчасти сама навлекла на себя беду. Она убедила Махмуда развернуть масштабную операцию по борьбе с организованной работоторговлей. А те, кто стоял за этим прибыльным бизнесом, не собирались так просто прикрывать лавочку. Торговцам нужны были деньги от продажи живого товара, Кахиру – власть. Интересы сошлись. И те, и другие просчитались, недооценив масштабов ярости и жажды мести Махмуда аль-Мактума. Он уничтожил многих, но не всех.

– Как Малика оказалась в пустыне? – задаю следующий конкретный вопрос. Я замечаю, как на скулах Кадера начинают нервно двигаться желваки, во взгляде проскальзывает подозрение. Моя реакция на озвученную информацию не соответствует его ожиданиям, но отступать уже поздно, он сказал слишком много.

– Деревня, где ее удерживали в одном из домов, подверглась обстрелу военных, Малика воспользовалась всеобщей паникой и сбежала. Это трагическая случайность. Если бы Малика осталась, то, возможно, смогла спастись.

Я отвожу взгляд в сторону, стискивая зубы. Не смогла бы. Она была смертельно ранена.

- Ты не выглядишь удивлённым, Джамаль, - сжимая губы, напряженно произносит Кадер. Я спокойно выдерживаю его тяжелый жесткий взгляд.

- За годы службы я научился логически воспринимать факты, какими бы они ни были, отключив лишние эмоции, - выдаю ровным выверенным тоном.

- Это правильно. Думать всегда надо головой, а не сердцем, - соглашается Кадер, немного расслабляясь, но холодок подозрительности в его глазах еще присутствует.

- Именно это я пытаюсь делать. Есть какие-то лабораторные доказательства и подтверждения моего близкого родства с королем?

- Разумеется, - заверяет Кадер снисходительным тоном, словно я спросил вопиющую глупость. - Все тесты были сделаны еще в первый год твоего обучения.

- Почему ты мне говоришь о моем происхождении только сейчас?

- Я ждал этого вопроса, Джамаль, - Полковник медленно подходит ко мне и забирает пистолет, убирая в кобуру. Я настороженно наблюдаю за его действиями, пытаюсь предугадать, какую версию выдвинет Таир, чтобы убедить в правильности своих действий. - Я уже говорил, что у короля много врагов и еще больше недовольных его правлением. Показания Гафара дали понять масштаб преступной организации, называемой «Шатрами Махруса», и если ему было известно о том, что первый сын короля выжил, то знают и те, кто стоят на ступень выше. Они могут оказаться кем угодно. Министрами, членами королевской семьи, шейхами, имеющими колоссальное влияние в своих провинциях. Люди ради денег и власти готовы на все, Джамаль.

- То есть ты защищал меня, скрывая правду? - вырывается у меня скептический вопрос.

– Именно так, Джамаль. Я вырастил из тебя солдата, борца с правильными приоритетами. Ты предан своей стране и знаешь о ней больше, чем выращенные под юбками матерей сыновья Мактума. И со своей стороны я сделаю все, чтобы ты занял место, которое полагается тебе по закону...

– Хочешь посадить меня на трон? – ухмыляюсь я. – А что думает об этом руководитель АРС?

– Старый генерал держится на своем посту, только благодаря протекции короля, – фальшиво улыбается Кадер. – Он неплохо послужил нашей стране, но его время ушло. Генерал Амин Башар не имеет ни малейшего отношения к секретной информации о твоём происхождении.

– В отличии от премьер-министра? – высказываю я еще одно подозрение.

– Советник поддерживает мое решение, но ему необходимо убедиться в том, что тебе можно доверять.

– Многие в курсе, я посмотрю, кроме отца и сына, – мрачно замечаю я, игнорируя последнюю часть реплики Кадера.

– Теперь ты тоже знаешь, Джамаль, – сурово произносит Кадер.

– Да, – опускаю взгляд на свои руки, непроизвольно сжатые в кулаки. На запястьях краснеют следы от металлических браслетов. Вот она истинная зарисовка действительности и реальных мотивов Кадера. Он стоит напротив полностью одетый, расслабленный, уверенный в собственной неуязвимости, а мои ноги до сих пор скованы, и я по-прежнему абсолютно голый. Это тонкий психологический ход с его стороны. Полковник дает мне понять, кто управляет ситуацией.

– Почему сейчас? – повторяю вопрос, на который так и не услышал конкретного ответа.

– Обстановка в стране накаляется. Наследный принц молод, но не глуп. Он точно знает, чего хочет, и имеет мощную поддержку в обществе. Выдвигая либеральные идеи, резонирующие с жесткой политикой отца, Искандер привлек

на свою сторону пострадавшие от действий аль-Мактума провинции и регионы. Существует еще одна серьёзная причина, Джамаль. Король серьезно болен. Диагноз был поставлен три года назад, и тогда врачи прогнозировали восемьдесят лет жизни, при условии качественного лечения. Но сейчас состояние Махмуда резко ухудшилось. Учитывая, что информация о его заболевании засекречена, объяснять вспышки гнева на публике становится все сложнее. Как видишь, у нас не так много времени, Джамаль.

- А теперь расскажи мне про условия, - хрипло произношу я, анализируя услышанное.

- Какие условия? - настороженно уточняет Таир.

- Что я должен сделать, чтобы стать официальным наследником Махмуда аль-Мактума?

- Мне всегда импонировал в тебе трезвый подход к делу, Каттан, - удовлетворённо отвечает Кадер. - Для начала мы должны избавиться от угрозы международного конфликта, которую представляет собой Ильдар Видад. Сам факт того, что младший брат пример-министра замешан в работорговле бросает тень на короля и его окружение. Если американцы вывезут его, и он даст показания о своей совместной деятельности с Шатрами, подкрепив это документальными данными, записями, схемами перевозки, списками покупателей и поставщиков - это будет началом колоссального резонанса. Ильдар ненавидит брата, он начнет называть имена тех, кто когда-то перешел ему дорогу, и ему поверят. Сукин сын готов на все, чтобы прикрыть свой зад.

Здесь сложно оспорить. Во всем, что касается Ильдара Видада я абсолютно согласен с Кадером. Ублюдок заслужил приказ на физическое уничтожение. И кому, как не мне, в течении полугода наблюдающему за ним в Нью-Йорке не знать этого? Ильдар Видад никогда не стремился к власти, хотя Дамир пытался пристроить его в Правление. Какое-то время Ильдар проработал на административной должности в Правительстве, но не срослось. Его больше интересовали женщины, развлечения, путешествия. Отец братьев владел гостиничным бизнесом, но после отделения Кемара, понес серьёзные потери. Некоторые отели остались за пределами Анмара и, разумеется, перешли в руки новой власти. А то, что осталось здесь Ильдар благополучно спускал на ветер. Несмотря на то, что братья не ладили, но Дамир не раз вытаскивал Ильдара из неприятностей, и когда тот вдруг всерьёз занялся семейным бизнесом, тогда

уже действующий советник аль-Мактума вздохнул с облегчением. Вероятно, в этот момент Ильдар и сошёлся с людьми, имеющими отношение к Шатрам или чуть позже, когда устав от управления отелями, рванул в Америку и создал там модельное агентство, дорвавшись до ниши, которая его интересовала больше – красивые, доступные девушки, приносящие ему прибыль не только позированием для журналов и на подиуме. Для прикрытия занялся благотворительностью, организовал центр для реабилитации детей и женщин. Некоторым действительно помогал, а других заставлял работать на себя, превращая в дорогих шлюх. Выдала его связь с «Ядовитым любовником», к которому он отправлял девушек, впоследствии обнаруженными убитыми. А дальше клубок раскручивался все сильнее. Выяснилось, что кастинг на набор моделей часто заканчивался для некоторых красавиц, мечтающих стать супермоделями, путешествием в Анмар, где те предавались руки работорговцев и продавались на аукционах за бешеные деньги. Ильдар получал процент, который и составлял большую часть его прибыли. Несомненно, у него может находиться информация о внутренней структуре Шатров, но допускать ее разглашение за пределы Анмара нельзя. Проблему работорговли необходимо решать на местном уровне. Вопрос в том, почему до сих пор Шатры Махруса практически беспрепятственно осуществляют свою деятельность.

– Я избавлюсь от него от Ильдара и не допущу утечки данных. Мне необходима подготовленная группа и надежное прикрытие, – уверенно заявляю я. Какое-то время Кадер хранит молчание, обдумывая мои слова.

– Откуда ты знаешь, где его искать? – задает резонный вопрос, к которому я подготовился заранее.

– Я оставил мисс Доусон подарок с жучком внутри. Позволишь мне возглавить операцию, и я избавлю тебя от проблемы в ближайшее двенадцать часов.

Кадер складывает руки за спиной, пристально глядя мне в глаза. Несколько шагов взад-вперед по узкой камере, и наконец, он принимает правильное решение.

– Хорошо, – кивает Кадер. – Я дам тебе группу и назначу старшим. Но ты должен понимать, это будет последнее задание, Джамаль. Экзамен на верность. За каждым твоим шагом будут наблюдать. Я тщательно проверю и проанализирую все твои действия при выполнении. Ты должен понимать, что сейчас твое будущее зависит исключительно от тебя самого. Малейшая ошибка может

перечеркнуть все, чего мы добились на сегодняшний момент.

Глава 1

«- Помнишь, у Хемингуэя в „Прощай оружие“ Кэтрин перед смертью просила Фредерика не говорить „наши слова“ другим женщинам? Это важно, Мэрилин. Это очень важно – не говорить другим „наших слов“. Надеюсь, ты это понимаешь.»

Артур Миллер к Мэрилин Монро

Наши дни. США, Нью-Йорк

Рика

«Мисс Доусон, хотите сказать, вы не в курсе, что поддерживаете ежедневный контакт с наследником Анмара?»

Сказать, что этот вопрос, заданный Стефаном Смитом мне только что на жестком допросе, который устроили мне «боссы» отдела национальной безопасности, парализовал меня, поверг в шок, окатил ледяной водой с головы до ног, заставив нервно дрожать и обессиленно сжимать кулаки, находясь под прицелом соколиного взгляда моего бывшего начальника, значит – не сказать ничего. Последний час жизни был одним из самых унижительных эпизодов, какие только довелось пережить за минувшие годы. Даже проклятый аукцион в «Шатрах Махруса» и вывод на торги в шеренге других девушек показался мне приятным мероприятием, по сравнению с «моральной экзекуцией» в некогда родных стенах штаба.

Подумать только: члены организации, которую я всегда считала своей семьей, отдушиной и смыслом жизни, допрашивали меня, как последнюю предательницу нации, опасную террористку, способную разжечь международный конфликт, шпионить для другой страны, только потому, что я общаюсь с мужчиной, которого считала хорошим инструментом для достижения своей благой цели, ну

и просто интересным человеком, с которым мне комфортно проводить время, встречаться и избавляться от жутких воспоминаний о путешествии в Анмар, которое стало серьезным испытанием для моей психики.

Осуждающие взгляды, приглушенный шепот в мою сторону... нет ничего более оскорбительного, чем неоправданные стрелы презрения, выпущенные в спину. Я бы нашла что ответить каждому, кто бы посмел обвинить меня в предательстве напрямую – каждый из присутствующих на допросе свято верил в то, что я нахожусь в сговоре с Искандером Аль Мактумом и передаю ему бесценную информацию, не подлежащую разглашению.

К слову, до сегодняшней пытки я понятия не имела, что «биржевой инвестор», кем он представился, Дерек Мак, на самом деле наследный принц Анмара, а по совместительству – еще один наглый лжец, которого я притянула к себе. Подлецы и подонки врываются в мою жизнь без приглашения, буквально срывают дверь с петель, и мне стоит перестать этому удивляться и задуматься, почему я являюсь «лакомым кусочком» для двуличных мужчин.

После прямого вопроса Смита я долго приходила в себя, сквозь вату слышала хриплый голос отца, в который раз вынужденного меня оправдывать и защищать перед своими коллегами. Дурное предчувствие сковало грудь ледяными иглами и, кажется, я две минуты просто молчала, не в силах произнести оправдательную речь – я будто наглоталась сухого песка. Из долбанного Махруса. Из чертового Анмара, постоянно напоминающего мне о себе и о том, что значит для меня эта страна, мой дом в прошлом, а в настоящем – место, где я оставила осколок своей души. Осколок, за которым не должна возвращаться.

Джамаль. Нуждаешься ли ты во мне так же сильно?... Думаешь ли каждый день о своей Эйнин перед тем, как закрыть глаза? Я думаю и вспоминаю... не могу избавиться от тебя, выкорчевать из сердца, вырезать, испепелить и уничтожить... как бы ни пыталась. Помню все до мелочей, могу вновь и вновь погружаться глубоко в наши воспоминания, воспроизводить моменты близости до мельчайших деталей. Зачем я это делаю? Должно быть, я мазохистка. Я скучаю, безумно, если бы ты только знал, насколько... до боли в сердце, до оглушительного и отчаянного крика, от которого сотрясаются стены души и режет горло. А ты скучаешь по мне, мой асад, получая удовольствие, вдохновение, покой и безмятежность в объятиях и поцелуях других женщин?

Конечно, я тоже небезгрешна. Все это время, что Дерек Мак ухаживал за мной, я благосклонно принимала его приглашения на свидания, охапки цветов и другие жесты внимания, которые мужчина оказывает мне на протяжении последних двух недель. На самом деле мы довольно сильно сблизились, вместе работая над моим будущим проектом – той самой школой для брошенных и попавших в трудную ситуацию детей, которая станет для них не тюрьмой-интернатом, а настоящим домом. Дерек заверил меня в том, что поможет мне найти других спонсоров, и сам пожертвовал десять миллионов долларов, что и стало стартовым капиталом, фундаментом, заложенным для возведения счастливого будущего для сотен детских судеб. От одной мысли о том, что я ступила на дорогу, что приведет меня к моей истинной мечте – помощь людям не через войну, а мир, мое тело покрывается мурашками, а сердце в груди поет, будто становится больше от счастья и предвкушения великих событий. Теплота, согревающая меня изнутри, заполняет все пространство невыразимой тоски по Джейдану. Но я люблю эту боль, толкающую меня на действия. Если бы я так не стремилась забыть и отпустить его, я бы не делала все возможное, чтобы заполнить кровоточащую бездну, которая образовалась там в день, когда я в последний раз проводила его истекающее кровью тело замыленным пеленой слез взглядом.

Ведь это то, чего я действительно хочу – быть полноценной, наполненной личностью и идти по жизни, находясь рядом с таким же мужчиной. За последнее время многое изменилось во мне, и я уже не мечтаю быть сильной, находясь в отношениях, больше не хочу быть роковой ищейкой, роль которой приходилось играть целые годы службы. Я имею в виду лишь то, что не хочу впасть в зависимость от любимого, чувствовать себя «половинкой целого» без него. Теперь, когда страсть к Джейдану едва меня не разрушила, я понимаю, что ищу мужчину, с которым мы будем служить друг другу, нашей общей цели и миссии.

Когда я узнала, что Дерек заинтересован в том, чтобы помочь мне со школой, сопоставила наши характеры и схожие взгляды на жизнь, я вдруг поняла, что он – неплохой вариант, достойный человек, с которым у меня сложится замечательное будущее при условии, что я отпущу Джейдана в своих мыслях и не буду находиться на грани истерики и агонизирующей ревности, когда представляю его в постели, в том самом доме, который он построил для меня в окружении других женщин. Мне даже жаль, что мой нрав, гордость и упрямство, вся моя суть даже не допускают мысли о том, чтобы быть третьей... ни первой, ни второй я быть не хочу, не умею. «Все или ничего» – мой девиз, к сожалению.

Ты весь мне нужен, Джамаль, только мой, начиная от подушечек сильных, длинных пальцев, заканчивая шрамами, которые навсегда скрыл замысловатыми символами. Я хочу быть единственной, кто знает о них, и о тех, что спрятаны куда глубже, чем поверхность кожи.

От такого, как Дерек, я никогда не стану зависима, и в то же время он воплощает в себе многие из качеств, которые привлекают меня в мужчинах. Достойный и сильный «кандидат» по всем параметрам: заботливый и щедрый, целеустремленный и сильный, несомненно обладающий дальновидностью и высоким интеллектом. Давно заметила, что «его высочество» бывает холодным, отчужденным и даже надменным – я старалась не придавать недостаткам Дерекка значения, а теперь понимаю, откуда дует ветер – прямиком из королевского дворца, расположенного в Асаде.

Вчера, когда мы вместе сходили на премьеру нового Бродвейского мюзикла, я впервые за время нашего знакомства позволила ему чуть больше, чем следовало бы. Если раньше наше прощание скреплялось целомудренным поцелуем в губы и дружеским объятием, то вчера... За это «чуть- чуть» один хладнокровный солдат с глазами цвета индиго свернул бы Искандеру шею, а меня бы швырнул на плаху, но не для того, чтобы казнить мгновенно – а для того, чтобы наказывать: долго и мучительно.

Я знаю Джейдана. Вся его суть в моменты, когда Видад бросал на меня голодные взгляды в том злосчастном номере отеля «Океан», отвергает даже вероятность того, что я могу принадлежать другому мужчине. Я до сих пор помню, как ощущала собственнические волны, исходящие от Джамалея, что накрывали меня щитом уверенности в том, что с ним я в безопасности, а Видада повергали в паническое состояние, заставляя его выглядеть так, словно он находится в раскаленной до ста градусов сауне.

Несмотря на это, я позволила себе попробовать ощущать, прикоснуться, чувствовать Дерекка. В тот момент, когда мы целовались в машине, я фактически начала испытывать к нему чувства, видеть в нем мужчину... и зачем, спрашивается? Для того чтобы узнать, что он лжец, который наверняка собирается использовать меня в своих интересах и целях и разочароваться?

Слишком быстро я возвращаюсь в положение недальновидного агента, которая даже не знает, как выглядит принц Анмара. Наследников, насколько я знаю, двое, и я никогда не придавала значения их сложным полным именам... да и

фотографии принцев изучать не доводилось.

Несмотря на ледяной ветер, что дует с Гудзона и намеревается превратить мои волосы в мочалку, а губы в змеиную кожу, лицо у меня пылает огнем, кровь пульсирует в висках, вены на лбу вздуваются от пережитого стресса и казни на полиграфе. Я до сих пор не могу отойти от того, что услышала на допросе, и остыть после пережитого унижения. Меня как в болото с дерьмом и грязью окунули.

Мы с Дерекком должны были поужинать сегодня вечером, и он взял с меня обещание, что я позвоню, как только освобожусь после «встречи с рекламодателями». Кажется, я должна была сделать это еще полчаса назад, как только покинула здание штаба, и, судя по вибрации телефона в кармане пальто, мистер Мактум устал ждать моего звонка и решил взять инициативу в свои руки. Осознание того, что сам принц Анмара ищет со мной встречи, будто одержимый, с одной стороны льстит и будоражит сознание, а с другой – заставляет задуматься об истинных мотивах Искандера. Что-то мне подсказывает, что я являюсь не объектом его воздыхания, а чистым намерением, изначально намеченной целью. Но как узнать наверняка, что ему нужно на самом деле? Почему я?!

Достаю телефон из кармана и, скептическим взглядом пробежавшись по высветившейся на экране фотографии Дерека, уверенным движением смахиваю пальцем в сторону «отклонить вызов». Поднимаю руку вверх, привлекая внимание ближайшего таксиста, и следующие полчаса провожу в пробке, направляясь в свою квартиру на Манхэттане. Звонки Дерека не прекращают насилия над моим телефоном. Стоит заметить, что такая беготня за девушкой не совсем характерна для поведения принца. Мужчины такого уровня привыкли к другому отношению, а значит Искандеру аль-Мактуму нужна не я, а нечто куда более ценное для него.

Информация.

Наша встреча не была случайной. Что, если меня вновь хотят сделать пешкой в большой игре? Все эти знаки внимания, широкие жесты симпатии от принца – игра со стороны Дерека, способ войти в круг доверия. Учитывая версию, что Видад был связан с наследником, этот вариант актуален как никогда.

«– Деятельность Шатров прикрывается премьер-министром? Поэтому группировка до сих пор существует, несмотря на ожесточенную борьбу? Ты сотрудничал с работниками с позволения Дамира? Кто еще задействован? АРС, Правительство? Искандер аль-Мактум? Наследник? Я угадал? В чем его выгода? Или он и есть твое прикрытие?» – вспоминаю обрывки фраз, которыми Джейдан закидывал Видада в спальне отеля «Океан», пока я не находила себе места, сотрясаясь от ужаса в другой комнате.

Я думала, что хорошо разбираюсь в людях, полагала, что без труда вычисляю лжецов и манипуляторов, особенно когда мой разум не затуманен страстью и любовью, как в случае с Престоном. С другой стороны, могу с уверенностью сказать, что интерес Дерика к моей персоне, как к женщине – не поддельный. Его горячие взгляды, полные влечения и жажды, искры, полыхающие за прозрачной гладью радужки льдисто-голубых глаз более чем красноречивы.

Женщины всегда ощущают, когда мужчины смотрят на них как на добычу, сексуальный объект.

Вопрос лишь в том, какие цели у Дерика помимо той, что стала мне очевидна вчера в машине.

И почему я была так беспечна, не проверив его сразу?

Ах да, это же я влюбилась в человека, который оказался женат. И он тоже был со мной вполне искренен, как мне казалось. Почему судьба вечно толкает нас на одни и те же грабли? Будто хочет, чтобы мы прошли через определенные уроки и перестали, наконец, ошибаться... да только мы не всегда в силах распознать эти уроки, потому что не слышим голос своей души.

И этот голос просил меня, чтобы я осталась с Джейданом. Там, на земле. В засушливой пустоши, где он в последний раз произнес мне нашу с ним клятву: «Если суждено, я выживу и найду тебя».

Разум же находится с сердцем в постоянном конфликте и знает: Джейдан – опасный человек, в первую очередь он идеальный солдат АРС, который всегда будет действовать исключительно в интересах своей «семьи».

Очередной порыв промозглого ветра, атакующий мое лицо и укладку, как только я выхожу из такси, заставляет меня инстинктивно поднять ворот пальто и ускорить шаг в сторону входа в жилой комплекс, где расположена моя городская квартира. В тот момент, когда пальцы нащупывают в сумочке ключи от домофона, я вздрагиваю всем телом, реагируя на знакомый, окликающий меня голос, и ощущаю в груди перебойный стук сердца.

– Рика, в чем дело? – с силой сжимаю веки и, поджав губы, мысленно жалею о том, что не успела скрыться внутри здания хотя бы минутой раньше. Твердые и уверенные шаги Искандера застают меня врасплох настолько, что я роняю только что найденные ключи на асфальт и прежде чем успеваю наклониться за ними, чувствую, как мое плечо сжимает сильная мужская рука, пресекающая попытки бегства. Мое тело начинает содрогаться от новых ледяных потоков воздуха, в то время как Дерек разворачивает меня к себе легким и уверенным движением. Мой взгляд встречается с льдисто-голубыми, кристально чистыми глазами Дерека, что смотрит на меня оценивающим, долгим, мучительным взглядом, требующим от меня ответов. Мне нечего сказать этому новоявленному принцу Анмара, по крайней мере сейчас, пока эмоции после допроса не утихли, и с моих губ так и норовят сорваться претензии и упреки.

– У нас был запланирован ужин, – надменные нотки, сталью звенящие в его низком голосе, стали более различимыми и явными, теперь, когда я понимаю, кто он на самом деле. Беглым взором изучаю лицо Искандера, словно вижу его в первый раз: вот он, принц из сказок «Легенды Анмара», но внутреннего восторга и трепета от возвышающегося надо мной голубоглазого Аладдина я не испытываю.

Мой любимый контраст: смуглая кожа, светлые глаза, темные волосы. Типаж один, но он совершенно не похож на Джейдана, наверное, потому, что я с девяти лет считаю асада самым уникальным и красивым мужчиной на Земле. Даже если его лицо будет изуродовано шрамами, полученными на службе, даже когда его кожа покроется глубокими морщинами, а от заострённых скул и чувственных губ останутся лишь воспоминания, он останется для меня идеальным творением, созданным... для меня.

Но я не увижу Джейдана глубоко старым и даже в зрелом возрасте просто потому, что нам не суждено провести жизнь рука об руку. Мактуб, что связал нас, ошибся... что-то пошло не так. Наверное, в следующей жизни нам будет дано все это исправить и попытаться счастья, ну а пока...

– Ты и я. Нас ждет японская кухня. Я тебя обидел? Может, не понравились цветы? – сдержанным тоном интересуется Искандер, и перед моим внутренним взором всплывает образ шикарного букета из гортензий пастельных оттенков, который я была намерена выбросить в мусоропровод, когда терпела «порку» от начальства.

– Я не люблю, когда мне лгут, Дерек, – с вызовом в голосе чеканю я, бросая уничтожающий взгляд на ладонь Искандера, накрывающую мое плечо. – А точнее – Искандер Аль Мактум, принц Анмара, – агрессия, с которой произношу его настоящее имя, заставляет воздух между нами завибрировать. Черты лица принца мгновенно меняются – скулы становятся более впалыми, веки сужаются в оценивающем меня и презрительном прищуре, но лишь на мгновение. – Когда вы собирались сказать мне об этом, ваше высочество? – язвлю я, и в этот момент из жилого комплекса выходит молодой парень, открывая мне доступ в здание без ключа, и как только я порываюсь войти внутрь, Искандер усиливает хватку на моем плече, заставляя замереть.

Не многим мужчинам удастся поставить меня на место, но у него определенно есть потенциал.

– Пусти, я сказала, – настаиваю я, пока он молчит, переваривая новость о том, что я теперь знаю часть правды.

– Не пойдешь ты никуда, – с твердой уверенностью в голосе заявляет Дерек. – Успокойся. Какое значение имеет кто я такой, Рика?

– Ты серьезно это спрашиваешь? За дуру меня держишь? Хочешь сказать, ты не знаешь, кто я такая? И встретились мы случайно?! Отпусти меня! – вспыхиваю я, пытаюсь сбросить его мощную ладонь со своего плеча. Вскидываю руки, которые Дерек ловит в воздухе, сдавливая в сильных кулаках тонкие запястья. Несколько секунд мы сражаемся, используя в битве лишь полные непонимания и гнева взгляды. Дерек прижимает меня к стеклянной двери, его ладонь обхватывает покрытый бусинками пота затылок, один быстрый рывок – и он сжимает мои губы своими, силой врывается в рот языком и, зафиксировав мою голову в неподвижном состоянии, фактически насильно выхватывает из меня ответ на свой горячий, требовательный, не терпящий отказа поцелуй.

Это могло бы быть сильно, эмоционально, умопомрачительно горячо, если бы не было бы так больно.

Легкие пустеют и вспыхивают изнутри, атакуемые агонизирующим пламенем. Губы Искандера, без перерыва на вдох обхватывающие и впивающиеся в мои, ощущаются неправильно. И чем приятнее и глубже становится наш поцелуй для моего тела, тем тяжелее и противнее становится в душе: сегодня я «предательница» не только своей страны, но и человека, которому хочу принадлежать по-настоящему. Я чувствую, как все внутри отвергает сейчас вторжение Дерека в мое личное пространство, но спустя несколько секунд сама отвечаю принцу на поцелуй, вторгаясь языком в его рот, жадно и порывисто пробуя момент страсти на вкус, воруя дыхание Дерека... мои руки скользят по сильным мужским плечам, кончики пальцев ощущают шершавую ткань дорого костюма, обонятельные рецепторы улавливают аромат нишевого парфюма, который мне определённно нравится... но тело не обмануть, и сквозь дымку искусственных запахов я ощущаю аромат его кожи: мои губы просто обессилено замирают, желудок неприятно скручивает в стальной узел после того, как до мозга наконец доходят сигналы, трактующиеся моим организмом как самоуничтожающиеся действия.

Это не он.

Я не могу, не хочу быть ни с кем другим...

Но Джамаль может. Он спит со своими женами, трахает их, возможно, прямо сейчас, называя каждую данным им особенным именем.

– Вот это сильно, Эйнин. Эйнин, Эйнин... – набатом стучит в висках его голос, а в теле импульсами воспоминаний вспыхивают ощущения, испытанные в тот момент, когда я впервые ощутила его вызванные мощным оргазмом толчки внутри себя.

Стоп. Хватит.

Почему ты не можешь как он, Рика? Ты можешь, еще как, имеешь право. Ты свободна. И ты будешь с другим мужчиной. Нужно принять это, нужно открыться другому... свет не сошелся клином на синеглазом асаде, и ты должна перестань искать в жизни пути, которые сведут вас снова. Их нет.

– Ты сейчас пойдешь со мной на запланированный ужин, – с неохотой отрываясь от моих губ, Искандер замирает, отдав приказ срывающимся шепотом. – Я заказал столик, нас ждут, крошка. Обещаю, что отвечу на все твои вопросы.

– А если я откажу? – протестую я, упираясь раскрытыми ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя самого Искандера аль-Мактума, который наверняка не привык к подобному пренебрежительному отношению со стороны женщин.

– Тогда мне придется увезти тебя в Анмар силой, – его губы раздвигаются в ехидной усмешке. – Через пару дней я уезжаю, Рика. И я не хочу терять тебя. Если ты боишься раскрыть мне некоторые из своих тайн, поспешу успокоить: я знаю о твоей бывшей работе, но не она стала причиной моего интереса к тебе.

– Думаешь, я поверю? – возвожу глаза к небу, горько усмехаясь. – Что тебе нужно от меня? Что, Дерек? Я ничего не знаю, и, если ты хочешь устроить мне очередной допрос..., – сильнее отталкиваю его я, отворачивая лицо в сторону. Властным движением он обхватывает мой подбородок и заставляет посмотреть на него.

– Никакого допроса не будет, Рика. Я просто открою тебе правду о причинах нашего общения. Я и так хотел это сделать.

– Твоя правда неактуальна, Дерек. Я все равно тебе не верю. Этот ужин станет для нас последним. Скажи «спасибо» за то, что я действительно голодна, – отстраняясь от Искандера, бросаю на него испепеляющий взгляд. Искандер держится достойно и воспитанно – никакой агрессии, оскорблений в ответ на мои неуместные выпады в сторону наследника. Лишь собранная в кулак воля, расправленные плечи и твердость намерений ассоциируются с его отстранённо-гордым образом.

– Мы оба знаем, что он не будет последним. Я сделаю тебе предложение, от которого, я думаю, ты не сможешь отказаться, – интригующим голосом заявляет Дерек и, опускаясь на ступеньку ниже, подает мне руку, другой указывая в сторону своего obsidianового цвета Bugatti.

Нервно выдыхаю, стараясь сбросить с себя необъятный груз, камнями заполнивший пространство грудной клетки. Душу сковывает тревога и

предчувствие непоправимого... но соглашаюсь и уже через минуту опускаюсь в удобное кресло роскошного автомобиля, принадлежащего принцу.

Мне не очень комфортно находиться в столь интимной обстановке с Искандером сейчас, когда я понятия не имею, чего от него ждать. Должно быть, после тяжелого дня у меня развивается паранойя, но в каждом движении, жесте и слове Дерек я вижу двойное дно, мысленно пытаюсь угадать, что за «предложение» он хочет мне сделать. Принц тем временем выкладывает карты на стол не торопится и медленно изучает японское меню, предварительно заказав нам бутылку вина.

Я с нетерпением жду ответов на терзающие меня вопросы, принимая закрытую позу: руки на груди скрещены, подбородок высоко вскинут. Ресницы слегка опускаю, стараясь даже не смотреть на Искандера, оттягивающего начало дискуссии. Мы посещаем этот японский ресторан не в первый раз: не самое популярное место в районе Сохо, но определенно одно из самых лучших для романтических свиданий. Редкое вино, изысканные блюда и атмосфера полного уединения, создающаяся благодаря тому, что просторный зал ресторана поделен на небольшие зоны, скрытые от посторонних взглядов широкой портьерой – сегодня нам досталась кабинка с красной тканью и черным иероглифом, символизирующим «страсть». Откинувшись на мягкие подушки, останавливаю взгляд на хрустальном подсвечнике в виде распустившегося лотоса и погружаюсь глубоко в себя и свои воспоминания, наблюдая за волнообразным пламенем свечи... мне бы определенно здесь нравилось, если бы все эти «занавески» и приглушенный свет не напоминали мне шатры, установленные в одноименном лагере пустыни Махрус.

– Обожаю Нью-Йорк за то, что тут можно каждый день наслаждаться кухней разных национальностей, – издаликает начинает Дерек, на что я отвечаю ему истребляющим взглядом. Едва заметным жестом он поправляет часы на своем запястье, из чего я делаю вывод, что Искандер нервничает не меньше меня.

– Я согласилась поужинать с тобой не с целью обсудить достоинства этого города и разнообразие ресторанов. Я хочу знать, – уверенно заявляю я, наконец обращая на него прямой и открытый, испытывающий взгляд. – Почему я? Что тебе нужно? Или перейдем на «вы», ваше высочество? – мне плевать, что я подстебываю самого принца Анмара. На этой земле он не принц, а у меня слишком дурное настроение, чтоб играть в легкую и вежливую «девочку-

девочку». Огнедышащая стерва возвращается, мать вашу. Не разрывая зрительного контакта с Дерекком, я обхватываю ножку бокала с красным вином подушечками пальцев и прокручиваю ее между ними.

– Перестань, Рика. Давай без этих формальностей. Мне нравится твой характер. Все мое окружение обращается ко мне как подобает этикету, и мне это порядком наскучило. Здесь я расслабляюсь. С тобой я почувствовал себя... свободнее, чем в Анмаре, – Искандер аль-Мактум накрывает мои пальцы ладонью, и в тусклом свете свечи я замечаю на одном из них слабый след от кольца Джамалю, которое все это время бережно хранила у сердца. Сейчас я ношу его на шее, и оно скрыто от посторонних глаз шелковой жемчужного цвета блузкой.

– Ты была замужем? – вдруг задает вопрос Дерек несмотря на то, что кольцо Джейдана я носила не на безымянном пальце.

– Нет. А ты? – сухо отвечаю я, а про себя думаю, что мне стоило задать этот вопрос Джамалю еще тогда, когда мы впервые встретились в картинной галерее.

– Нет, Эрика. Но если я и женюсь, то на единственной – ответственности мне и без брака достаточно. Мое положение требует огромной отдачи стране, семье, и в будущем мне бы не хотелось разрываться между женами, каждая из которых требует одинакового внимания. Сама понимаешь, последующие жены всегда недовольны тем, что первая жена считается старшей, главной и...

Он знает. Он знает про Джамалю... и про нас? Иначе к чему эти слова?!

– Мне можно идти? Или перейдем к делу? – обрываю его монолог я, замечая, как черты лица Искандера искажаются порывом гнева и раздражения. Мгновенно разглаживаются, когда он вновь нацепляет на себя бесстрастную маску миротворца.

– Твой нрав пленителен. Смелая, открытая, дерзкая, – большим пальцем Искандера скользит по костяшкам моих. – Я приехал сюда с единственной целью – предотвращение намечающейся войны в своей стране.

– И как это связано со мной? Значит, ты не отрицаешь того, что наше знакомство не было случайным? Почему я – твоя цель? Не тяни. Что ты хочешь от меня узнать?

– Да, Рика, естественно, наша встреча не была случайной. Но это не значит, что я не одобряю твои идеи, как и не означает, что мое отношение к тебе, как к интересной и привлекательной девушке, неискренне, – с акцентом продолжает принц, выражаясь сложными для английского языка фразами. – Признаться, целей у меня несколько. И поскольку мне известно об операции АРС и какую роль сыграла в ней ты, я хочу знать и видеть полную картину того, что произошло несколько месяцев назад. Я хочу знать, известно ли тебе то, что хранил в себе уничтоженный АРС и преступником Джамалем Каттаном носитель? Учитывая то, что вы некоторое время находились вместе и были близки, – Искандер бросает на меня красноречивый взгляд, от которого кровь мгновенно приливает к моим щекам и шее. Бесстыдные картинки, горячие признания, эмоциональные ссоры... достаточно одного триггера, короткого импульса, чтоб все это вновь закружилось в киноленте воспоминаний. – Он мог раскрыть тебе некоторые факты, которые мне необходимы для того, чтобы установить правила своей игры, нацеленные на избежание войны, Рика. Я хочу для Анмара только самого лучшего, чтобы достичь гармонии, я мечтаю избавиться от «Шатров Махруса» раз и навсегда, как и от прогнившего АРС, который стоит за всем этим на самом деле. Меня не устраивает их деятельность и штаб, состоящий из предателей страны, жестоких и беспринципных людей, для которых играют роль лишь власть и деньги. Это важно, не спорю. Но разве такой ценой?

Что? «Шатры Махруса» – деятельность АРС?

– Что бы ты ни сказал мне сейчас, это может оказаться ложью, – одергивая ладонь, я шокирую принца следующим заявлением: – А как насчет того, что мне известно, что ты состоял в сговоре с Ильдаром Видадом? – я высказываю одну из версий как истинную, чтобы отметить реакцию Искандера, сохраняющего полное самообладание и спокойствие. Он кажется действительно здравомыслящим и уравновешенным мужчиной, во главе с которым Анмар и Кемар наконец встанут на путь к процветанию. Но первому впечатлению доверять не стоит, психологическая обработка его портрета и жестов также не дает мне верных ответов. Искандер аль-Мактум умен и собран, и докопаться до правды будет очень непросто. – Откуда мне знать, что ты не лжешь, когда говоришь, что АРС стоит за организацией «Шатров», не покрывая тем самым

свои собственные «грехи»?

– Рика, очнись, – железным тоном произносит Искандер, глядя на меня так, словно перед ним сидит несмышлёная школьница. – APC уничтожили свидетеля и информацию, которая должна была пролить свет правды на виновного в процветании этой гнилой пирамиды по торговле живыми людьми! – Искандер повышает голос, густые и темные брови сдвигаются к переносице, образуя на лбу две перпендикулярные морщины. – Я действительно сотрудничал с Ильдаром Видадом. Но фактически договор не успел состояться. Я планировал отплатить ему политическим убежищем взамен на данные: доказательства вины APC во главе с Таиром Кадером. Не смотри на меня так, Эрика, – обращается с просьбой Дерек, оценивая тревожным взглядом мой растерянный вид. – Джамаль Каттан – верный пес APC, не более. Он также следует интересам своей организации, как бы тебе ни хотелось отрицать этот факт. Тебе ли не знать, как это работает? Агенты слепы, у них не развито рациональное мышление по отношению к своей «вере» – в данном случае по отношению к APC. Джамаль Каттан – опасный преступник, который и осуществил уничтожение доказательств. Он в курсе всего происходящего, Эрика. Он знает всю схему изнутри, я в этом уверен. Это ты хотела услышать от меня? Меньше всего я хотел, чтобы находящийся в нестабильном состоянии отец развернул войну, поэтому был вынужден пойти на крайние меры, чтобы остановить его, Дамира и APC... мне жаль, что для тебя это выглядит иначе, – я не могу вымолвить в ответ ни слова, ощущая, как поступление новой информации собирается плотным комом в горле. – Но смею заверить, что моя совесть чиста: ты вскоре сама убедишься, что «Шатры Махруса» – деятельность APC и действующего правительства, а активная борьба с организацией – лишь прикрытие для ее процветания, Эрика. Как думаешь, существовали бы «Шатры» до сих пор, если бы у столь прокаченных солдат и агентов APC действительно стояла цель их уничтожить? Ты и сама понимаешь, что нет. Это невозможно. Они только создают иллюзию борьбы, играют в защитников, помогая советнику, верхушке APC и, возможно, даже моему нестабильному и нездоровому отцу срубать миллионы на жизнях невинных. Как тебе такой расклад, Рика? Достаточно исчерпывающий ответ на твой вопрос? – официант давно принес нам горячие блюда, но за напряженной беседой мы с Искандером давно забыли про содержимое тарелок, и сейчас смотрим друг на друга сканирующими взглядами, будто это поможет нам прочесть мысли друг друга.

– Я не знаю, что сказать... – растерянно шепчу я, пока не в силах принять то, как быстро все меняется. И кем является Джейдан, если все сказанное Искандером – правда. Чудовищем. Настоящим чудовищем, поддерживающим деятельность

людей, которые хотели продать меня в рабство. Которые украли Эмилию и, возможно, уже на сегодняшний момент испили ее душу досуха. Или убили... убили мою маленькую, напуганную девочку.

– Я все понимаю, Рика. Чувства – ужасный недостаток для любого агента. Даже бывшего. Тебе трудно поверить в то, что Каттан – истинное отродье Шайтана. Но...

– Ты слишком много знаешь о моей настоящей профессиональной деятельности, – отрезаю я, не опуская с него подозрительного взгляда.

– Это нормально. Я давно понял, что APC – не те люди, которым я смогу доверять, и сформировал свои информационные каналы и собрал вокруг себя тех людей, которые верны мне, а не отцу и советнику. Но вернемся к Каттану. По моим сведениям, он не раз подставлял тебя, Эрика, – и не раз спасал мне жизнь. – Уволили тебя именно из-за того, что он выставил все так, словно ты специально сдала APC ваше местоположение, когда вы пытались покинуть Анмар. Он играл твоими чувствами, затуманивал разум... прошу тебя, не позволяй этому вновь повториться. Боюсь, с каждым разом, с каждым днем цена за ошибки повышается, Эрика. Боюсь, что скоро «Шатры» достигнут неискоренимых масштабов.

– Зачем ты говоришь мне о нем сейчас? Это подозрительное стремление повлиять на мое мнение?

– Потому что хочу, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь, не испытывая угрызений совести по отношению к бывшему любовнику, – бесстрастно заявляет аль-Мактум. И поспорить с логичностью и адекватностью его слов мне трудно.

– Судя по твоему лицу, мне даже больше ничего говорить не нужно. Ты взрослая девочка, Рика, сообразительная, и можешь проанализировать и сопоставить факты в выстраивающуюся цепочку событий. Я надеюсь, ты не станешь покрывать преступника Каттана. И если есть какие-то доказательства, хотя бы минимальные... или знания, где они могут храниться, я хочу знать об этом, Рика. И чем быстрее ты их раскроешь, тем быстрее мы приступим к уничтожению Шатров.

– Я ничего не знаю, Искандер, – с сожалением выдыхаю я, слегка опуская плечи. Я так запуталась, не знаю, кому и чему верить. – Находясь рядом с Каттаном, я думала, что у нас совместная операция, сотрудничество. Я ему доверяла, верила... – губы непроизвольно начинают дрожать, когда я осознаю, как глупо и слепо повиновалась зову сердца. – Я поняла, зачем ты здесь, но хочу тебя разочаровать: у меня ничего нет. Носитель информации действительно уничтожен. Я больше не агент ЦРУ. И сейчас, как ты уже заметил, я вкладываю все свои деньги, силы и ресурсы в благотворительность. И не понимаю, почему ты сразу не сказал мне правду. Я зла не потому, что ты принц Анмара, а потому, что ты лгал мне. Не уверена, что могу доверять тебе, Искандер.

– Я понимаю тебя, Рика. Ты находилась под влиянием Каттана, в полной зависимости от него, и поэтому совершала необдуманные поступки, сопоставимые с предательством своей страны. Легкая форма стокгольмского синдрома, не так ли? Ты все это прекрасно знаешь, как и понимаешь, что Джамаль умело манипулировал тобой все это время, преследуя только свои цели. В связи с этим я в последний раз тебя спрашиваю: ты обладаешь информацией, компрометирующей АРС или других подозреваемых?

– Нет, Дерек. Ничего у меня нет. А если бы было, я бы здесь не сидела. У меня с «Шатрами» личные счета, и во снах я вижу, как уничтожаю каждого причастного к этому чистилищу голыми руками.

Искандер аль-Мактум медленно выдыхает, стараясь скрыть разочарование во взгляде. Теперь мне все более-менее ясно, и я не жалею о том, что согласилась поужинать с ним. Все факты, приведенные Дерекком – действительно играют против АРС, и каким бы жутким потрясением для меня это ни было, я склонна верить ему... а у меня есть другие варианты? Я сама видела, как жестоко Джамаль расправился со свидетелем, в то время как я всегда требовала от него суда и объяснений. Он же не пояснял мне ничего, лишь растравил сознание красивой историей о короле и Малике, постоянно уходя от ответов на мои каверзные вопросы. К тому же он лгал мне все время: о женах, о своей личности, о целях, которые он преследует. Что в наших отношениях было искренним, кого я полюбила? Я понятия не имею кого... Джейдана Престопа, Джамала Каттана? Художника с синими глазами, что спас меня от неминуемой гибели?

Да. Последнее. Но того мальчика больше нет...

– Хорошо, Рика. В любом случае я был рад знакомству с тобой. И я, как и ты, уже давно занялся созданием подобного приюта по реабилитации пострадавших в Анмаре. В том числе и от военных действий в Кемаре. Годы идут, а шатры до сих пор не уничтожены. Мой отец нестабилен и серьезно болен, хотя от меня это пытаются скрыть. Я поставил себе цели, которых намерен рано или поздно достичь. Надеюсь, теперь ты меня понимаешь. И не злишься за то, что представился «биржевым инвестором», – Искандер подавляет глухой смешок, но моему ответу мешает вибрирующий на столе телефон Искандера, который он сразу поднимает и, бросая взгляд на экран, произносит:

– Прости, Рика. Мне нужно ответить. Звонок действительно важный, – я медленно киваю и следующие пять минут наблюдаю за тем, как сменяются эмоции на лице Искандера. В основном это сочувствие, ответственность и напряжение – я не слышу, о чем рассказывает Дереку его собеседник, но сам Искандер лишь время от времени бросает в трубку дежурные фразы «ты знаешь, что делать», «сколько их?», «я скоро приеду и мы разберемся».

– Еще раз прости, – не отступая от правил этикета, извиняется Искандер, сосредоточив внимание на мне, убирая телефон во внутренний карман пиджака. – Нашли новых детей, которым удалось сбежать от своих покупателей. Их трое. Две девочки и мальчик десяти лет. Мой приют пока не готов, и всех пострадавших я размещаю в комфортном коттедже на территории дворца, – поясняет Искандер, заставляя мое сердце судорожно сжаться от боли и сочувствия, а в душе загореться слабой надежде на то, что среди сбежавших могла быть Эмилия.

– Сколько их уже там? Как они сбежали? – оживившись, заваливаю Искандера вопросами, нервно теребя в руке салфетку.

– Узнаю, когда приеду. Обычно я разговариваю с каждым: вдруг кто-то из них слышал то, что не должен был слышать, пока находился в «Шатрах». Но, как правило, они сломлены и неразговорчивы, Рика. А я не настаиваю на разговоре, чтобы не травмировать их еще больше. Очень жаль, что будущее страны уничтожается вместе с их судьбами. Если так пойдет и дальше, огромная часть подрастающего поколения будет истреблена. Во что превратится Анмар? В колонию рабов? Я этого не допущу, – сжав зубы синхронно с кулаком, обещает Искандер, бросив на меня такой взгляд, от которого каждый волосок на моей коже встал дыбом, овеянный энергией его непоколебимой решительности и уверенности в своих действиях. – Кстати о предложении, от которого ты не

сможешь отказаться, Рика. Понимаю, как это звучит для тебя, и в твои планы не входило возвращение в Анмар. Но я хотел бы тебе предложить... поучаствовать в помощи этим детям. Здесь же я найму бригаду рабочих, которые пока будут также заниматься строительством школы.

– Зачем тебе я? – пытаюсь понять, не играет ли Искандер на моих чувствах, и распознать расчетливые нотки в его голосе. Может, с его стороны – все происходящее такая же игра, чтобы еще больше меня запутать? Активная деятельность APC по борьбе с «Шатрами Махруса» против активной деятельности Искандера, пекущегося о детях и будущем своей страны... что из этого реальность, а не постановка?

– Ты прошла через подобное дважды. Я видел, как ты успокаиваешь детей, как общаешься с ними, как даришь надежду. Исцеляешь, Рика, – мягко шепчет Искандер, не скрывая своего восхищения. – Мне не все равно. Как я уже сказал, дети – это будущее моей страны. Я знаю, ты не доверяешь мне, Рика. И честно, я не стану убеждать тебя в обратном, я уже все сказал. Кому поверить – решать только тебе. Скажешь «нет», и я приму это решение. Тем не менее вылетаю в Анмар я послезавтра. Здесь, моя миссия закончена.

– Зачем нужно было ждать две недели? Последний вопрос, – уточняю я, все еще подозревая Искандера в неискренности.

– Эти две недели я не бездельничал, Рика. К тому же... мои планы немного изменились, когда я узнал тебя, увидел. Ты мне небезразлична, и я говорю об этом прямо. Я привык получать то, чего я хочу... и буду рад, если в Анмаре у нас появится возможность узнать друг друга поближе. Но, конечно, главной причиной моего приглашения остается твоя помощь детям. Сейчас с ними работают опытные психологи, в том числе и те, которых я отобрал в штатах, но большинство детей боится их. Понимаешь? – я медленно киваю, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Я сама через это прошла – и после спасательной операции из шатров я не нуждалась в психологе. Я нуждалась в семье, любви, поддержке и заботе... понимании.

– Я согласна, – отвечаю быстро, пока не передумала. Мысли вертятся вокруг Эмилии, которая прямо сейчас, может быть, находится на территории дворца. А значит, совсем скоро мы встретимся, и бремя ответственности за то, что я не спасала ее, спадет с моих плеч.

Но есть куда более веские и искренние причины моего возвращения в Анмар, о которых мне даже думать страшно. Снова на грабли, снова стремлюсь в свой сладкий, но полный яда омут, в агонию... прыгнуть в бездну, оказаться рядом. На одной земле с Джамалем. Я безумна. Зависима. Теперь я знаю, какое он чудовище, и все равно тянусь к нему... сквозь землю и океан, словно связывающая наши души нить вновь притягивает нас друг к другу... обстоятельства складываются в пользу моего возвращения. Мактуб? Или выбор? Или еще не поздно отказаться?

Сложно. Страшно. Но когда дело касается Джамалея, выбора у меня нет. Если он чудовище, то я должна лично убедиться в этом.

– Ты поедешь в Анмар? Снова? – уточняет Искандер, видимо сам пребывая в шоке от того, что я согласилась на очередной опрометчивый поступок в своей жизни.

– Да, но, если ты обещаешь мне, что в моем распоряжении будет личный самолет, который в любой момент сможет отвезти меня в Штаты. Рабства с меня предостаточно. Мне нужны гарантии безопасности, Искандер, и постоянная связь с Америкой: с отцом, с братом. Кстати, алиби для бывшего места работы тоже необходимо. Для всех я лечу в Анмар, потому что у нас с тобой – роман, – выставляю свои условия, глядя на то, как Искандер расплывается в довольной улыбке, наблюдая за тем, как я бросаю ему вызов. И аль-Мактум принимает его.

– По рукам, мисс Доусон, – Искандер протягивает мне руку и, скрепив наш договор рукопожатием, мы наконец переходим к поглощению вина и остывшего ужина. – Ты первая женщина в моей жизни, которой я позволяю диктовать какие-либо условия. И последняя.

– То ли еще будет, ваше высочество, – игриво отвечаю я, осушая бокал с терпким на вкус вином до самого дна.

Глава 2

Анмар. г. Асад

Джамаль

После полученного сообщения от Кадера о срочной встрече прошла почти неделя, прежде чем он соизволил появиться. Внешняя камера зафиксировала незваного гостя, послав тревожный сигнал на мой мобильный. Но какого черта Таир делает здесь? В доме, где я никогда не принимаю визитёров, где единственной прислугой является Адела, мать девочки, которую на моих глазах продали на аукционе. Мне пришлось подключить личные связи, чтобы найти Эмилию, но внутренней разведке удалось вычислить только Аделу, нелегально вывезенную в Анмар вместе с дочерью. Их разделили на границе и продали в разных лагерях Шатров Махруса. Женщине удалось сбежать, и она обратилась в полицию в надежде, что там помогут с розысками дочери. Так я и вышел на нее и организовал дальнейшее расследование. Аделе некуда было пойти, а я нуждался в порядочной прислуге. Чтобы не сойти с ума от волнения и тревоги, она согласилась. И стала первой женщиной, переступившей порог дома, построенного для одной гордой шпионки. Надеюсь, уже экс-шпионки.

Убрав телефон, я тщательно вымыл руки в раковине, досуха промокнул полотенцами, сбросил грязную рубашку, вместо нее натянув чистую футболку, и покинул студию, закрыв дверь на автоматический замок.

– Джамаль, к тебе визитер, – без церемоний и на «ты» обращается ко мне подоспевшая Адела, заправляя выбившиеся светлые волосы в тугий пучок на затылке.

Я изначально установил между нами простую и непосредственную модель общения. Европейкам нелегко вникнуть в бесконечные церемонии и обычаи Ближнего Востока. Взгляд Аделы останавливается на моем лице.

– Краска на щеке, – подсказывает она, показывая на себе, где именно осталась клякса.

– Спасибо, – киваю я, вытирая пятно ребром ладони. – Постарайся не показываться, – прошу я, чтобы уберечь Кадера от соблазна.

Мне известна слабость моих соплеменников к блондинкам. Адела еще очень молода. Немного за тридцать, стройная и статная. У работорговцев неплохой

вкус, и в женщинах они толк знают, да и какой смысл похищать товар, который не будет пользоваться спросом?

– Может, этот мужчина пришёл с новостями об Эмили? – с надеждой спрашивает Адела. Я качаю головой, привычным жестом дотрагиваясь до шрама, оставшегося от ранения в шею. Хирург из госпиталя, где меня экстренно оперировали, сказал, что от смерти меня отделяло три миллиметра. Очередное везение? Или снова судьба?

– Нет, не думаю, – честно отвечаю я, чтобы она зря не мучилась в ожидании. – Я обязательно сообщу, если что-то прояснится. Иди к себе и не выходи, пока гость не покинет дом.

– Хорошо, – согласно кивает женщина.

– Я, наверное, тоже уеду. Три дня уже не был дома, – теперь, произнося «дом» и подразумевая под этим словом место, где я живу с Лейлой и Аидой, меня охватывает дискомфортное неправильное чувство. Возможно, я все еще не восстановился от полученных ранений, но как дома я чувствую себя только здесь, закрывшись в мастерской.

Запах краски и растворителя вместо сладковатых духов скучающих по мне жен.

Жёсткий матрас и кушетка вместо их нежных объятий.

Я становлюсь затворником...

А когда-то одиночество пугало меня, оглушая тишиной пустых комнат. Я вырос в большой и любящей семье и в одно мгновение потерял всех, кто был мне дорог. Как долго смех сестер, мягкий негромкий голос матери и мудрые наставления отца звучали в моей голове, когда я засыпал на казенной койке в подготовительном лагере АРС. Я и сейчас еще вижу в обрывочных снах их расплывчатые лица, они приходят все реже, напоминая о прошлой жизни, в которую нет возврата. От мысли, что я мог стать причиной их гибели, мои внутренности выворачивает от боли, бессильной злобы. Я могу найти виновных и предать их тела мукам, но никто не вернет мне семью, не вдохнет в них душу, не облегчит страдания, через которые им пришлось пройти в последние мгновения своей жизни. Этот груз ответственности всегда тяжким камнем

лежит на моих плечах.

Во времена первых спецопераций, когда мне подолгу приходилось жить под вымышленными именами в чужих странах, искусно притворяясь тем, кем не являюсь, я нашел свой способ забвения. Маски вымышленных личностей на какое-то время становились ближе моего настоящего внутреннего «я». Вот только человек так устроен, что любое лекарство рано или поздно вызывает стойкое привыкание, перестает действовать и нуждается в альтернативной замене.

Жить в разных городах, целовать красивых женщин, находить преступников, заслуживающих наказания, – все это стало для меня обыденностью, рутинной, и я с отчаянной тоской ожидал завершения задания. Мной овладевала дикая тоска, когда я возвращался в пустую пыльную квартиру. Все, что у меня было тогда – это служба, тяжелые воспоминания, голубые глаза Эйнин, сквозь пелену слез смотрящие с портретов, расставленных вдоль голых стен, и отголоски чужой настоящей жизни, доносящиеся из соседних квартир. И в одну из бессонных ночей, слушая, как за стенкой плачет младенец, я впервые столкнулся с одиночеством лицом к лицу, узнал его, нашел наконец название гнетущему чувству, которое не отпускало меня после Аззамского теракта.

Женившись на Лейле, я еще какое-то время надеялся, что она сможет помочь мне, что вместе мы сможем выгнать тени прошлого из нового красивого дома, в который я привез молодую жену. Но альтернативное лекарство не помогло.

Она любила меня, я знаю. И сейчас любит. И Аида тоже. Они – прекрасные, достойные девушки, я буду заботиться о них и оберегать до конца наших жизней, но пустоту в моей душе способна заполнить только одна.

От болезни с именем Эрика Доусон нет никакого альтернативного лечения, кроме нее самой. Когда ситуация стабилизируется, она займёт предназначенное ей место.

Эрика будет сопротивляться отчаянно и дико – так, как умеет только она. Мне придется надавить на нее, убедить, заставить вспомнить о своих корнях, принять традиции, в которых выросла она сама. Бой будет неравным и ожесточённым. Она проиграет... как обычно, и позволит мне сделать ее счастливой по тем правилам, что установлю я. Если мы хотим получить что-то

большее, то должны пожертвовать чем-то меньшим. Другого варианта для нас нет и быть не может. Она создана для меня. И мы оба это знаем.

Спустившись, неторопливо подхожу к двери и, открыв, пропускаю незваного гостя. Обменявшись вежливыми приветствиями, мы располагаемся в мягких низких креслах за чайным столом в центре гостиной. Кадер внимательно осматривается, не спеша переходить к цели визита. Дизайн и экстерьер этого дома очень отличаются от первого. И он больше похож на дворец махараджи, чем на особняк архитектора.

– Не замечал в тебе увлечённости роскошью, – сухо замечает Таир.

– Хороший вкус и возможность его воплощать в деталях – это вовсе не одержимость роскошью, – возражаю я. – О чем ты пришел поговорить? Хочешь сообщить, что моя реабилитация подошла к концу и пора приступить к следующему этапу?

– Почти полгода без работы, и ни одна из твоих жен до сих пор не беременна, – Кадер уводит разговор в неожиданную степь. – Чем ты занимался, Джамаль? Разве женатый мужчина должен проводить время в пустом доме вместо того, чтобы заботиться о продолжении своего рода?

– Неужели тебя привел ко мне демографический вопрос в моей семье? – бесстрастно уточняю я. Кадер натянуто улыбается.

– Твоя семья – это и моя семья. Не забывай об этом, Джамаль.

– Уверен, ты не позволишь мне забыть, – отзываюсь иронично. – Извини, я не предлагаю чай или кофе. Сам видишь, дом пока пустует. Я уже собирался уезжать.

– Мы можем поехать вместе, но сначала дела, – наконец переходит к главному Кадер. – Искандер аль-Мактум укрепляет свои позиции, Джамаль. Он вступает в договорённости с влиятельными шейхами. Входит в доверие к министрам, заручается поддержкой зарубежных партнеров. Отдаленные регионы страны видят в нем миротворца и реформатора. Благотворительные акции, гуманитарные конвои, международные конференции, которые активно обсуждаются в прессе. На последнем совете он в очередной раз поднял вопрос о

возвращении Кемара в территориальный состав королевства, за что получил пощечину от короля. Инцидент произошел публично. В зале было много журналистов из других стран.

– Я слежу за сводками новостей, – сдвинув брови, задумчиво киваю я. – У наследника безупречная репутация. Если ты хочешь утопить его, то сделать это будет крайне сложно. Доказать его причастность к сговору с Ильдаром Видадом невозможно. У нас нет ничего, кроме подозрений. Скажи мне, что выигрывает правительство, воюя с наследником?

– Одним из наследников, – уточняет Кадер.

– То, что Искандер ненавидит действующее правительство, еще не значит, что в первый же день коронации отправит вас всех в отставку.

– Так и будет. Не сомневайся.

– Как ты собираешься его остановить? – опираясь спиной на мраморную столешницу камина, я непроизвольно покручиваю четки Эйнин на запястье.

– Необходимо собрать закрытое экстренное совещание. Пора начинать действовать.

– К чему такая спешка, Кадер? – спрашиваю я, бросая на него пристальный взгляд.

– Мы ждали достаточно, Джамаль. Или ты решил отступить?

– Нет, – твёрдо отвечаю я и невольно напрягаюсь, скользнув тыльной стороной ладони по трехдневной щетине. Этот жест привлекает внимание Таира к мелькнувшим четкам на моем запястье. Он прищуривается, рассматривая талисман Эйнин, затем переводит тяжелый взгляд на мое лицо.

– Если есть нечто, что может заставить тебя совершить ошибку и поставить под угрозу наши планы, то ты должен сказать мне прямо сейчас, – Кадер хищно улыбается и добавляет, подняв на меня выразительный взгляд. – Или кто-то?

– Нет, – уверенно и ровно отвечаю я.

– Мне известно, кому принадлежат четки на твоём запястье.

– Это не более чем реликвия. Многие солдаты хранят пули, извлечённые из ран, считая их своим оберегом, – я невозмутимо встречаю напряжённый сканирующий взгляд Таира, убирая руку с интересующим его атрибутом в карман.

– Не пытайся обмануть меня, Джамаль. Несмотря на то, что ты женат на моей дочери, я отлично понимаю, как слаб бывает мужчина против соблазна, особенно если у него такое красивое лицо и тело, как у агента Эрики Доусон.

– Тебе известно, что я использовал чувства агента Доусон, чтобы выследить Ильдара и уничтожить его.

– Но ты не ликвидировал её и закрыл своей спиной, когда Хассан попытался сделать за тебя грязную работу, – с притворным равнодушием замечает Кадер.

– Эрика Доусон – дочь одного из больших боссов ЦРУ. Ты всерьёз думаешь, что нам бы спустили её убийство? Она не располагала никакими важными данными, и её гибель только усилила бы напряжение между странами, учитывая обстоятельства и присутствие израильских пограничников, – странно, что Кадер вообще поднял вопрос, который был досконально изучен ранее.

– Мне до сих пор не удалось выяснить, как они оказались в зоне операции, которую мы тщательно выбирали, – задумчиво произносит он.

– Случайность ты исключаешь?

– Нет, – отрицательно качает головой Кадер. – Не исключаю. В обратном случае у меня мог быть только один подозреваемый, – Таир складывает пальцы в замок, откидываясь на спинку кресла, не сводя с меня острого взгляда. – Джамаль, мы работаем вместе много лет, и ты разочаровывал меня в исключительных случаях. Я верю тебе, но должен убедиться в том, что мы с советником не ошиблись, поставив на тебя. Без нашей поддержки ты уже завтра будешь валяться с простреленной головой в каком-нибудь овраге.

– Я помню, что обязан тебе всем, Кадер, и я знаю, что на кону стоит судьба страны, а не только моя, – отвечаю самым убедительным тоном, на который способен в сложившейся ситуации. Я уловил тонкую угрозу в словах Таира и знаю, что в критической ситуации он способен прибегнуть к кардинальным методам.

– Времени мало, Джамаль, – быстро произносит Таир, поджимая губы. Его взгляд выдает тревогу, которую полковник пытается тщательно скрыть. – Король совсем плох, а Искандер уже начал действовать.

– Ему сообщили о заболевании аль-Мактума? Кто? Сам король?

– Это исключено. Мактум не встречается с сыном лично. Мы позаботились об этом, иначе Искандер давно бы догадался и без помощи шпионов. У наследника свои способы получать секретную информацию, нам периодически удается выловить и уничтожить лазутчиков, но Искандер крайне осторожен и очень хитер. Поэтому нам необходимо собрать совет и сделать официальное заявление, пока Искандер не усилил свое влияние. Его авторитет среди народа – ничто против имеющихся у нас фактов. Срочность обусловлена не только состоянием Мактума. Уверен, что Искандеру удалось выяснить кое-что еще...

– Что именно? – нахмурившись, уточняю я, ощущая неприятное покалывание в области позвоночника. Я задерживаю дыхание в предчувствии удара.

– Пару недель назад он вернулся из зарубежной поездки в Штаты, Джамаль. А вчера на личном самолете Искандера в Асад прибыла его гостья. Никто иная, как бывший агент американской разведки Эрика Доусон. Нехилое совпадение, не так ли? – полковник наклоняется вперед, чтобы не пропустить мою реакцию, своевременно оценить и сделать собственные выводы. Даже автоматная очередь не произвела бы на меня столь оглушительного воздействия. Сохранять самообладание, когда тебе вонзают острие кинжала в незажившую рану и начинают медленно проворачивать вокруг своей оси – невероятная задача, даже для агента широкого профиля с многолетним стажем и опытом ведения боевых операций в условиях особой опасности. И все же мне приходится брать всю свою волю в кулак, чтобы ни один мускул не дрогнул на лице. Ничем не выдать острого желания стиснуть зубы и вырвать Кадеру кадык, который, к слову, заметно задергался, когда я задержал ненадолго взгляд на его горле.

– Зачем она ему нужна? – холодно спрашиваю я, пытаюсь пересилить пронзительную боль в висках. Из-за гула крови с трудом различаю слова.

Черт возьми, когда я перебирал возможные вероятности о возвращении Эйнин, то имел в виду совсем другое. Она совсем обезумела? Какого Шайтана она делает рядом с Искандером? Что, бл*дь, за пи*дец творится? С тем же успехом она могла нарисовать на лбу мишень и встать под пули снайперов. Я отправил ее домой не для того, чтобы она явилась сюда в разгар войны. Роль стервы приелась за полгода, и она снова решила стать марионеткой, но в чьих, бл*дь, руках? На чьей стороне ты играешь сегодня, глупая женщина?

– Меня тоже сильно волнует этот вопрос. Официальная версия – благотворительная деятельность. Покинув службу, мисс Доусон активно занялась помощью детям. Наследник пригласил ее сюда, как будущего руководителя реабилитационного детского центра, который он активно строит. Однако мои наблюдатели сообщили, что ведут они себя как влюбленная пара. Возможно, у тебя есть соображения по этому поводу?

– Нет, – излишне резко отвечаю я. – Эрика Доусон не может быть полезна Искандеру, как источник информации. Она ничего не знает.

– Ты уверен? – уточняет Кадер, не сводя с меня немигающего взгляда.

– Да, – твердо говорю я.

– Тогда остается только два варианта.

– Какие?

– Не притворяйся идиотом, Джамаль. Ты соображаешь лучше, чем многие из нас. Случайность их встречи можно смело отместить, как и внезапно возникшую влюбленность наследника. Первый вариант – агент Доусон не уволена и находится здесь на очередном здании, а значит Искандеру удалось заручиться поддержкой ЦРУ, что может существенно усложнить нам задачу. Или же она нужна ему для того, чтобы добраться до тебя. Оба варианта ведут к одному выводу – наследнику известны наши планы. И он не собирается сдаваться. И я хочу быть уверенным в том, что ты не подставишь нас ради какой-то американской сучки. Мне нужно знать наверняка, Джамаль. Если она угроза – я

устраню ее, и стены дворца Искандера ее не защитят.

- Она в его дворце? - внутри закипает ярость, которую я не испытывал даже в прямом противостоянии с противником.

- Это имеет для тебя значение?

- Нет, - холодно отвечаю я, выдерживая пронизательный взгляд Кадера.

- А я думаю, что ты мне лжешь, Джамаль, - ухмыляется он. - Но я не стану повторять ошибку, которую когда-то совершил брат короля. Если ты хочешь - ты ее получишь. Это будет мой подарок. От чистого сердца. Желание обладать женщиной - не грех, а вот неспособность удержать ее в узде - слабость. Хочешь - бери - этим девизом руководствовался мой отец.

- Подобные подарки не преподносятся просто так, - напряженно отзываюсь я.

- Считаю это жестом доброй воли и залогом нашего длительного сотрудничества, - расплывается Кадер в широкой улыбке.

- Когда? - мне не приходится уточнять свой вопрос. Таир понимает меня правильно. Удовлетворенно ухмыляется, решив, что нашел мою ахиллесову пяту.

- Через пару дней на крупном благотворительном мероприятии. Искандер, как организатор фонда, будет там. Разумеется, со спутницей. Гарантирую, что оттуда она больше не вернется во дворец Искандера.

- Мое присутствие обязательно?

- Будет много прессы, но на фуршет после мероприятий журналистов не допустят. Там можешь появиться. Проверь реакцию Искандера. Возможно, он как-то выдаст себя. Не подведи меня, Джамаль. И не забудь сделать перевод на пожертвование. Это все-таки благотворительный вечер.

Рика

Мной овладевает невыносимое чувство тревоги, как только я приземляюсь на территорию Анмара в одном из личных самолетов наследника, который он благосклонно предоставил в мое пользование, выполнив главное условие пребывания в этой стране. Аль-Мактум пообещал, что одного моего звонка капитану будет достаточно для того, чтобы он собрал экипаж в любой момент и отвез меня обратно в США. Столь быстрое возвращение в Америку пока не входит в мои планы, но подобная договоренность создает хотя бы иллюзию безопасности и уверенности в том, что на этот раз эта земля не принесет мне очередную порцию боли и унижения, а Махрус не поглотит своими песками и не заберет в злосчастные «Шатры». Где бы я ни находилась, я всегда буду под защитой охраны самого наследника Анмара, а это уже заявка на полную неприкосновенность.

Искандер аль-Мактум вылетел из Нью-Йорка на сутки раньше, а я последний день дома провела с Лукасом и Мэттом – напряженный, полный горечи и страха взгляд отца, наотмашь отрезвляющий мою глупую затею, связанную с возвращением на Ближний Восток, оставил прочный отпечаток в моих воспоминаниях.

«Береги себя, Эрика. Я понимаю, почему тебя тянет в Анмар, и не стану лезть к тебе с непрошеными советами, – тихо произнес Мэтт, когда мы прощались в аэропорту. До этого мгновения я не осознавала, насколько сильно отец любит меня и как глубоко может ранить его полный слез взгляд, которым он никогда не позволит пролиться, оставаясь в моих глазах сильной и надежной опорой. – Но, пожалуйста, будь осторожна, Рика. Ты – моя единственная дочь, и мне бы не хотелось...» – его голос сорвался, Мэтт так и не смог закончить фразу, да и я сначала не понимала, почему он прощается со мной. Прочувствовала лишь когда отец порывисто прижал меня к себе и заключил в крепкие отцовские объятия, позволив мне проронить пару тоскливых слез на его голубую рубашку. Я прекрасно ощутила то, что он хотел сказать мне без лишних слов.

Мэтт боится не только за мою жизнь.

Он боится того, что рано или поздно моя кровь и истинное происхождение возьмут верх над западным воспитанием, и я пойму, что жизнь в Америке – не для меня.

И я до сих пор не знаю, правдиво ли его невербальное предначертание, потому что я сама не уверена в том, где мне хорошо и комфортно, и по каким законам я

хотела бы жить. Если бы я могла взять из каждого родного мне места только плюсы, то жила бы в полной гармонии с самой собой, но это звучит как несбыточная утопия.

Я и сама устала от разрастающегося раскола в душе, который с каждым днем становится мощнее и глубже, пуская трещины по западному образу жизни, частью которого я стала. Привыкла быть вольной птицей, которая не способна вечно опускать взгляд в пол по указке и рта не раскрывать без чужого позволения. В Анмаре, какие бы послабления и вольности ни давались женщинам в последнее время, как бы ни заверяли СМИ в том, что у нас есть права выбирать место работы и учебы, жизнь местной женщины все равно протекает под девизом «подчинение». И, несмотря на то, что все мое нутро отрицает этот догмат, мое сердце принадлежит этой стране гораздо больше, чем переработанный западной культурой разум, и именно поэтому я вновь и вновь пересекаю границу своей родины, где даже городской воздух напоминает мне запах нашей скромной хижины в Аззаме и мысленно возвращает к тихому, убаюкивающему голосу матери, читающей мне сказки перед сном.

Сдержанно улыбаюсь внимательно разглядывающему меня сотруднику таможенной службы, акцентируя внимание на белой кандуре мужчины, контрастирующей с его кожей бронзового цвета, и осознаю, насколько же в разных вселенных я живу. Внутреннее напряжение нарастает, когда я прохожу границу и ловлю на себе осуждающие взгляды женщин, чьи лица покрыты никабом. Несмотря на то, что на мне полностью закрытый брючный костюм, я чувствую, что все равно привлекаю внимание прохожих, даже в тот момент, когда пространство аэропорта наполняет певучий призыв муэдзина к дневной молитве и многие из ожидающих своего рейса анмарцы направляются к молитвенным комнатам, расположенным по всему периметру здания.

Практически перед выходом в зону, где меня ожидает личный водитель и телохранитель, замечаю высокого мужчину в кремового цвета кандуре, неспешной и гордой походкой направляющегося к выходу из аэропорта, в окружении трех женщин, полностью облаченных в черную национальную одежду, переговаривающихся друг с другом на арабском языке. Судя по обрывкам их фраз, это три жены обеспеченного сайиди, которые довольно дружелюбно сосуществуют друг с другом, несмотря на то, что делят на троих одного мужа.

По телу пробегает волна болезненных мурашек, словно капли воздуха, превращаясь в сотни ледяных игл, впиваются под кожу, когда я представляю себе на месте одной из трех жен – себя.

Такую жизнь мне предлагал Джамаль?

Жить в отдельном доме, но посещать общественные мероприятия подобным организованным «гаремом», слушаться его во всем, бесконечно покоряться и отдавать всю себя, при этом любезно ворковать с его первыми женами, быть с другими «любовницами» чуть ли не лучшими подружками?! Должно быть, я безумная собственница, но одна лишь мысль о подобной жизни отравляет изнутри, заставляет черстветь сердце. Мне трудно представить себе такую любовь, ведь мой родной отец всегда смотрел на маму как на единственную женщину на Земле. В моем сознании многоженство никогда не являлось нормой.

Наконец я замечаю водителя, удерживающего над головой табличку с надписью «Miss Dowson» и, обменявшись краткими приветствиями, мы покидаем здание аэропорта. Ловлю себя на мысли, что совершенно не боюсь садиться в машину практически к незнакомцу, что удивительно, учитывая мой прошлый печальный опыт в этой стране и похищение людьми из «Шатров Махруса». Я стараюсь доверять этому миру. Иначе бы давно сошла с ума от мании преследования и содрогалась бы каждый раз, когда таксист закрывает все двери в авто нажатием одной кнопки на приборной панели.

Асад встречает меня спертым от жары воздухом, заставляя заскучать по промозглому ветру с Гудзона, ровным и широким дорогам в восемь полос и чередой зеркальных небоскрёбов, выстроившихся в гордый ряд вдоль линии горизонта. Их сияние ослепляет каждого, кто подъезжает к городу, заманивая гостей своей показной роскошью и искусственно воссозданной в городе зеленью, благодаря которому Асад часто сравнивают с ожившим оазисом.

До резиденции Искандера мы едем около двадцати минут, но как только выезжаем с трассы на узкую пальмовую аллею, за которой я наблюдаю идеально подстриженный зеленый газон с гуляющими по его просторам павлинами, распутившими свои зелено-синие хвосты, я понимаю, что мы фактически на месте.

Мой взгляд останавливается на огромном дворце песчаного цвета, выполненном в традиционном арабском стиле. Мы неумолимо приближаемся к моей новой «золотой клетке» и, наконец, объезжая позолоченный фонтан в форме вытянутого кувшина по кольцевой дороге, останавливаемся перед дворцом Искандера Аль-Мактума. Следующие пятнадцать минут, пока Мустафа провожает меня до моей спальни, я нахожусь в некоем трансе, ощущая полное погружение в одну из «Легенд Анмара», которую в детстве читала мне мама.

Каблуки стучат по полу, выложенному светлой мозаикой, пока я разглядываю окна и дверные проемы в форме куполов мечети и слегка сжимаю веки от бьющего в глаза вибрирующего света, созданного лампами и отяжелевшими от драгоценных камней люстрами, и буйства красок, в котором преобладает красный, золотой и песчаный цвет. После минимализма, господствующего в апартаментах Нью-Йорка, пестрые персидские ковры и покрытые золотом вазы действительно режут мой взгляд, но другого интерьера я и не ожидала от дворца, в котором живет будущий правитель Анмара – каждый элемент здесь олицетворяет дань древним традициям и культуре страны.

– Ваша комната, госпожа, – Мустафа открывает передо мной одну из дверей внутри главного здания дворца и первой пропускает меня в новую обитель. Признаться, я думала, что буду жить где-то рядом с детьми, возможно, в одном из коттеджей резиденции, поэтому роскошная спальня под боком у наследника не входила в мои планы. – Если вам что-то понадобится, просто наберите кнопку вызова прислуги, – Мустафа оставляет небольшой планшет на журнальном столике из красного дерева, поверхность которого украшает букет белых орхидей, заключенных в высокий литой золотом кувшин. Обнадеживающе улыбнувшись мне, водитель поспешно выходит из комнаты, оставляя меня наедине с благовониями, насквозь пропитавшими пространство комнаты, и броской, свойственной арабскому стилю роскошью, от которой с непривычки кружится голова. Точнее кружится она от слишком резкого цитрусового запаха – с ароматами Искандер или его учтивая прислуга перегнули палку. Не в силах терпеть приступы тошноты, подхожу к окну и, с трудом раскрыв тяжелые бархатные портьеры, ставлю оконную дверцу в режим проветривания помещения.

Внимательным, изучающим взглядом медленно рассматриваю раскинувшиеся передо мной просторы, а именно внутреннюю часть территории резиденции принца.

Мне важно все, до мельчайшей детали.

То, что я вижу, выглядит как искусственный Эдем: пышные пальмы контрастируют с завезенными в Асад цветными кустарниками; вычурные фонтаны, расставленные по всей территории необъятного моим взором сада, украшают выложенные песчаные, в тон дворцу, каменные дорожки. То, что я вижу, мне определенно нравится, но красота и мое ощущение погружения в арабскую сказку отходит на второй план, когда я замечаю несколько внушительных жилых помещений на территории Искандера Аль-Мактума. Очевидно, в одном из них Дерек как раз и приютил пострадавших детей, за которыми мне предстоит следить, постепенно исцеляя их души. Вот только один вопрос никак не дает мне покоя: какого черта Искандер поселил меня в свой замок, а не в дом для гостей? Почему я, обычная девушка, фактически представительница другой страны, удостоена жить в одном доме с самим принцем Анмара? Уму непостижимо, но мне рано делать выводы из поступков Искандера: остается только наблюдать за происходящим и анализировать его поведение – так, на всякий случай. Профессиональная привычка.

В момент, когда я понимаю, что львиная доля неприятных ароматов выветрилась, я возвращаюсь в спальню для того, чтобы переодеться в длинное, закрывающее колени и плечи платье. Я вечно мучаюсь с замком на его спине, и как раз в ту секунду, когда завожу две ладони назад, пытаюсь закрыть молнию платья до конца, содрогаюсь от настойчивого стука в дверь – не дождавшись моего ответа, в спальню заходит Искандер, заставляя меня в неловком и немного уязвимом положении.

– Прости, – хриплым голосом произносит Искандер, не сводя с меня пристального взгляда. – Я не привык предупреждать о своем визите. Обычно я сам принимаю визитеров. Но я хотел убедиться в том, что Мустафа хорошо тебя принял, и ты добралась до Анмара в хорошем расположении духа. Надеюсь, ты долетела с комфортом? – чуть задрав острый подбородок, интересуется Искандер, ненавязчиво напоминая мне о своем скромном «крылатом» даре. Самолет и правда был потрясающий, я впервые спала на ортопедической кровати в полете.

– Проспала почти всю дорогу, ваше высочество, – сцепляю руки на талии, оставив попытки застегнуть упрямое платье. Чувствую себя неловко, но не избегаю внимательного взгляда Искандера, которого впервые вижу в национальной одежде – он облачен в темно-синюю кандуру, не скрывающую

проработанные рельефные плечевые мышцы и напряженные бицепсы, которые обычно облегает пиджак из плотной ткани.

Я прекрасно понимаю, какими глазами на него смотрят все женщины – принц красив, умен и создает впечатление сильного влиятельного человека. На первый взгляд Искандер Аль-Мактум не имеет изъянов, как внешних, так и внутренних – судя по его рьяному желанию помогать детям и беспокойству о будущем Анмара, он станет достойным правителем.

Искандер «крепкий орешек», и несмотря на то, что я больше не агент ЦРУ, я не могу избавиться от привычки изучать личность, стоящую передо мной, с целью выяснить, какое содержимое скрывается за твердой и внешне идеальной «скорлупкой».

– Почему вы сделали для меня исключение и пришли сами? – интересуюсь я, наблюдая за тем, как Искандер медленным шагом преодолевает расстояние между нами. С каждой секундой он все ближе и ближе, и я ощущаю, как струны души внутри меня болезненно натягиваются и вспыхивают огнем, обжигая сердце.

Я наедине с другим мужчиной, в закрытой спальне. В чертовом платье, которое начнет слетать с моих плеч, если немедленно не застегну его. Джамалю бы это не понравилось... но он мне не муж, чтобы я переживала о его мнении, не так ли?

– Глупый вопрос, Эрика. Учитывая то, что произошло между нами после премьеры мюзикла, – лукаво ухмыляется Дерек, замирая на расстоянии вытянутой руки от меня. В светлых глазах вспыхивает желание, напоминающее мне о довольно горячих поцелуях, которые я позволила принцу. – И я разрешаю тебе обращаться ко мне без лишних формальностей и приставки «ваше высочество», – поправляет меня Искандер.

Я выдыхаю с облегчением, когда понимаю, что мне не нужно будет постоянно контролировать себя, обращаясь к принцу.

– Ты мне нравишься, Эрика, – не моргая, непоколебимым тоном заявляет Искандер, и я замечаю, как его светлые глаза меняют цвета, приобретая стальной оттенок. – Как человек и как женщина. Я не хочу давить, но тебе не

избежать моего внимания, – Искандер обольстительно понижает голос и обходит меня вокруг оси, останавливаясь за моей полуоткрытой его взору обнаженной спиной.

Я чувствую его взгляд, обволакивающий каждый позвонок по бегущим вдоль них мурашкам.

– Ты мне позволишь? – я медленно киваю, не в силах произнести ни слова. Затаив дыхание, я слегка сжимаю кулаки, поборов внутреннее желание отказать наследнику.

Говорить «нет» принцу Анмара – не лучшая затея, учитывая обстоятельства, при которых я здесь оказалась. У меня есть определенные задачи, которые я еще обязана выполнить, и я не уеду с этой земли, пока не спасу как можно больше детей, а главное девочку, которая никак не покидает мои мысли и сердце – Эмили.

Слегка вздрагиваю, когда ощущаю, как Искандер прикасается к молнии платья и медленно ведет замок вверх, намеренно прикасаясь к моей коже. Но дрожу я не от наслаждения, а от ярких, вспыхивающих перед внутренним взором воспоминаний об эпизоде в моей жизни, когда мой истинный сайиди проделывал с молнией на моем платье похожее действие – только вел ее вниз, открывая своему голодному взгляду мое тело.

«Ты не надела трусики, Рика», – стучит в висках низкий, полный желания взять меня, голос Джамалы.

Тот вечер, проведенный в его мастерской, невозможно забыть, стереть из памяти.

Оковы, в которые он заковал меня, подвесив в беззащитной позе, и божественно сладкие дразнящие движения кистью по самым чувствительным местам... черт, с кем бы рядом я ни находилась, хоть с самим принцем Анмара, каждая моя мысль принадлежит Джейдану.

И сейчас он бы убил меня за то, что я позволяю другому мужчине прикасаться к себе. Хотя... он никогда об этом не узнает. Возможно, ему давно плевать, и он забыл обо мне в череде насыщенных будней с женами и не менее ярких ночей.

– У меня есть для тебя подарок, – нарушает затянувшееся молчание между нами Искандер и вновь обходит меня, параллельно взяв за запястье. Я не успеваю заметить, откуда принц достал и как открыл небольшую бархатную коробочку, на дне которой поблескивает тоненький браслет с рубиновой подвеской.

– Искандер, я не могу принять... – начинаю неуверенно мямлить я. Мягко говоря, подобный подарок вводит меня в полный ступор.

– Отказов я не принимаю, Эрика, – с легкой угрозой напоминает Искандер и, не спрашивая моего разрешения, застегивает браслет на моем запястье. – Обычно я дарю массивные украшения. Но для тебя мне захотелось найти что-то особенное, Рика, – принц сжимает мою руку так, что его большой палец зажимает мой пульс. – Что-то изящное и нежное. И в то же время импульсивное, как цвет этого камня, – Искандер опускает взгляд на искрящийся красный рубин, который действительно сверкает так, словно внутри него полыхает крошечное пламя.

– Спасибо, Искандер, – расплываюсь в обеспокоенной улыбке, но не спешу одернуть руку и вызволить ее из каменной хватки принца. – Но хочу напомнить, что приехала сюда для того, чтобы помочь детям. В мои планы не входило... жить в твоём дворце, – невольно веду плечом не в силах скрыть своей тревоги по этому поводу. Кто знает, что таится под маской принца, и не переиграет ли он наш договор так, что я в два счета превращусь из особой гостьи в наложницу?

– Я не буду давить на тебя, Рика. И я прекрасно помню, зачем позвал тебя сюда. На данный момент здоровое подрастающее поколение – одна из моих главных целей. Сейчас тебе стоит отдохнуть после перелета, возражения не принимаются, – раздает приказы Искандер, словно замечает в моих глазах слишком явное желание поскорее отправиться в другое здание резиденции и проверить его на наличие Эмили. – С завтрашнего дня ты все свое время будешь проводить с детьми и помогать менеджерам в продумывании инфраструктуры для будущего центра. Мустафа проводит тебя, познакомит со всеми участниками проекта. У меня будет много дел, связанных с длительным отсутствием, поэтому мы не увидимся ближайшие пару дней.

– Они там? – пользуясь случаем, аккуратно избавляюсь от ладони Искандера и подхожу к окну, показывая в сторону двухэтажного дома, построенного в таком

же стиле, что и дворец Аль-Мактума. И только сейчас замечаю две женские фигуры в обычной одежде во внутреннем дворе пристройки. В голову закрадываются тяжелые мысли – едва ли это дом для прислуги. Что-то мне подсказывает, что это и есть знаменитый гарем принца, о котором сдавленным шепотом ходят слухи и сплетни. Конечно, он состоит из женщин, добровольно выбравших себе такую судьбу, ведь быть наложницей принца согласна каждая вторая девушка в Анмаре... многие из них мечтают стать той «единственной», что наследник выберет в жены, что и это довольно глупо, учитывая то, что они не являются представительницами голубой крови. Или же Искандер ведет двойную игру и сам не пренебрегает услугами «Шатров Махруса»? Кто эти женщины?

– Нет. Там, – Искандер указывает на еще одно здание, почти ничем не отличающийся от предыдущего. – Я вынужден тебя оставить, – прощается Искандер, проследив за моим взглядом, обращенным к двум женщинам. Бросив беглый взгляд на наручные часы, усыпанные мелкими бриллиантами, принц направляется к двери и перед тем, как уйти, напоминает мне: – И кстати, не забудь про официальный прием в пятницу. Хорошо выспись. Все необходимое тебе также доставят. Завтрак, обед и ужин также будут приносить в спальню, – нервно сглатываю, потому что подобные условия начинают напоминать мне тюрьму, к тому же я понятия не имею, о каком приеме идет речь.

– Какой еще прием? – только и успеваю спросить я, но Искандер ничего не отвечает, лишь раздвигает губы в загадочной улыбке и покидает мою спальню, унося с собой аромат тяжелых нот арабского парфюма. Я наконец могу вдохнуть полной грудью, упасть на высокую постель и с болезненным стоном произнести:

– Черт, во что я опять ввязалась? – закрыв лицо бархатистой подушкой, я пытаюсь не думать о предстоящем «приеме», на котором наверняка будут присутствовать журналисты и операторы, а это значит, что мое появление в Анмаре, не останется для Джамала Каттана незамеченным.

Я уже знаю, что среди спасенных детей в резиденции Искандера нет Эмилии. Сегодня я навестила каждого, и устала держать внутри себя слезы, подступающие к векам, как только видела их обреченные, печальные и сломленные взгляды, которые медленно оживали после небольшого разговора со мной. Это чувство согревает изнутри – видеть, как они медленно просыпаются от того кошмара, который пережили наяву. Каждому из них требуется

индивидуальный подход, забота, внимание, понимание и, конечно же, – время.

Мне осталось познакомиться с последним мальчиком, которого, судя по данным в моем списке, зовут Реза – именно о нем и еще двух девочках сообщили Искандеру во время нашего последнего ужина. Он сбежал от своих жестоких хозяев меньше недели назад, а значит разговор с ним будет таким же тяжелым, как с двумя предыдущими малышками, которые даже двух слов связать пока не могут и по привычке опускают взгляд, пугливо вздрагивая при любом моем движении.

Когда я открываю дверь, невольно замираю на пороге, наблюдая за тем, как Реза сидит за столом и, расправив плечи, увлеченно водит карандашом по бумаге. Он не поворачивается в мою сторону, в отличие от предыдущих детей, но удивляет меня не его закрытость и равнодушие по отношению к нарушившей его одиночество незнакомке, а увлеченность делом, которым он занят – простой карандаш летает по листу бумаги с сумасшедшей скоростью, а Реза наблюдает за происходящим на нем с таким сосредоточенным видом, словно в мире нет ничего важнее, чем этот лист и истории, зарождающиеся на пустом холсте.

Кого-то мне это напоминает. Еще один маленький художник?

– Привет, Реза, – тихо нарушаю его уединение я, подходя к мальчику ближе. – Меня зовут Эрика, – опускаюсь на стул рядом, ожидая реакции юноши. Наконец Реза отрывается от рабочего процесса и медленно переводит взгляд на меня, а затем и поворачивается в мою сторону всем корпусом. Пытаюсь ничем не выдать разрывающего нутро чувства боли, сочувствия и сострадания к мальчику, когда замечаю внушительный шрам, протянувшийся от спинки носа до уха по всей левой скуле – сейчас он зашит, поскольку Резе была оказана высококвалифицированная помощь, но, судя по внешнему виду пореза, его наносили раскаленным ножом: края кожи вокруг залатанной раны сильно обожжены, обуглены. Мне хочется голыми руками придушить ублюдков, которые сделали это с беспомощным мальчишкой. Внутри меня бушует дьявольское цунами, я чувствую в себе сильнейшую потребность взять в руки пистолет и выместить свою злобу на этих нелюдей в своем подземном крохотном штабе в Нью-Йорке, но внешне остаюсь спокойной и, сохраняя полное самообладание, улыбаюсь мальчику, не обращая внимания на нанесенное ему увечье.

– Я занят, – грубоватым и гордым тоном отвечает Реза. Сдвинув брови к переносице, он вновь обращает свое внимание к листу и начинает

прорисовывать мелкие детали рисунка. Перевожу взгляд на кончик карандаша, наблюдая за действием, развернувшимся прямо перед носом у маленького творца: сердце пропускает удар, когда я вижу полную картину, изображенную легкими штрихами простого карандаша.

Это пустыня. Резе удалось передать песчаную бурю россыпью крохотных точек, поднимающую подол плаща маленькой девочки, протянувшей две руки к своему юному спасителю – судя по шраму на скуле, Реза изобразил самого себя, пытающегося удержать девочку за запястья, но в картине присутствует некая третья сторона, злая сила, представленная в виде огромного змея, свернувшегося на песке массивными кольцами и ухватившегося пастью с острыми зубьями за край плаща утопающей в песках героини. Ее рот широко раскрыт в крике помощи, а лицо Резы преисполнено боли, отчаяния и желания ее спасти... но он не в силах тягаться с неподвластной ему стихией и ужасающим змеем, намеренным отнять его подругу.

– Ты очень красиво пишешь. Очень живой и печальный рисунок. Может, на следующем ему удастся ее спасти? – задумчивым голосом протягиваю я, рассматривая фигуру девочки, лицо которой плотно закрыто вуалью из растрепанных ветром волос.

– Нет, – отрезает Реза, не поднимая взгляда.

– Почему?

– Потому что ее уже не спасти. Она мертва, – железным тоном отвечает Реза, ломая в руке карандаш, и швыряет его части вверх листка.

– Кто она? – едва слышно вырывается из моих уст, сердце бьется в груди как оголтелое.

– Наша семья ходит на местный рынок каждые выходные. Я задержался в ковровой лавке, а потом... ничего не помню. Меня ударили. Очнулся я уже в этом гадюшнике, что эти уроды называют «детским рынком». Первой, кого я увидел, была она. Я прятал её, когда приходили за девочками. Она тихо пела мне, когда я не мог уснуть, или мы просто разговаривали ночи напролет, когда не были заняты работой, что нам поручали. Я очень полюбил её, но, конечно, не сказал ей об этом. А потом пришли другие, в такой же одежде. Забрали ее... они

сказали, что убьют, если она будет сопротивляться. А я знаю Эмили. Она не станет молчать, – невольно сжимаю ладонь Резы, услышав знакомое имя. Едва ли это простое совпадение, учитывая возраст мальчика. Он поднимает на меня подозрительный взгляд, но не спешит одернуть руку. Я теряюсь в его черных глазах, полных решимости и смелости, скрывающих истинную скорбь, печаль и растерянность, которую он сейчас испытывает.

– Нет, нет, нет, – качаю головой, наблюдая за тем, как широко распахиваются глаза Резы, отражая искреннее удивление. – Она не умерла, слышишь? – ведь скорее всего так Эмили и попала в тот самый фургон, в котором мы вместе плакали и жались друг к другу, содрогаясь от страха. – Ты обязательно должен нарисовать, как вы снова встретитесь...

– Хорошо. Ты права, – соглашается со мной парень и, прищурив веки, избавляется от моей хватки. Проходит минута, и он более дружелюбным тоном обращается ко мне: – Как там тебя зовут? Эрика?

Глава 3

«Мужчина жесток, когда он не любит больше. В особенности, если он любит другую.»

Анн и Серж Голон, «Анжелика»

Кемар. Аззам. 17 лет назад

Омар Камаль с отцом возвращались из небольшого поселка, где целый месяц реставрировали мечеть, пострадавшую от пуль повстанцев. Путь лежал через пустыню. Они вышли с рассветом, половина расстояния была уже пройдена, когда отец предложил устроить привал, заметив пару одиноких финиковых пальм. Оставалась всего пара километров до Аззама, но солнце шпарило так, что дышать было невозможно. Они сели прямо на песок в тени скудных листьев, прислонившись спинами к жесткому шершавому стволу дерева, отец протянул Джамалю бутылку воды, и заметив подаренный перстень, блеснувший на пальце сына, резко сжал его локоть.

– Тебе не стоит носить его открыто, Джамаль, – строго произнес он. На смуглом обветренном лице Омара Камалья обозначились глубокие морщины.

– Почему? – удивился Джамаль, снимая кольцо и задумчиво рассматривая его со всех сторон. За три месяца, что прошло с момента, когда отец подарил сыну перстень, он надел его впервые, а до этого носил на веревке под кандурой. В голову Джамалья невольно закралось неприятное подозрение о незаконном происхождении подарка, но он тут же отбросил его прочь. К тому же мальчик слышал, как отец рассказывал имаму, что нашел перстень в пустыне. Тогда эта версия показалась правдоподобной, но сейчас... Джамаль взглянул на раскинувшуюся перед ними знойную бескрайнюю пустыню с рыжеватыми дюнами и плавящимися песками. Его босые ноги в поношенных сандалиях по щиколотки увязли в ржавом золоте. Их с отцом следы уже исчезли, хотя прошло не больше минуты; пустыня мгновенно поглощает все, что люди оставляют ей, скрывая навсегда под толщей песка.

– Я хотел тебе рассказать сразу после праздника, но не осмелился. Наблюдал, как ты играешь с сестрами во дворе, и подумал, что у меня еще есть время оставить все так, как есть.

– Что такое, отец? – сжав кольцо в кулаке, Джамаль настороженно посмотрел в потемневшее лицо отца. Омар устремил взгляд в сторону горизонта и взволнованно заговорил. Сердце у мальчика забилося, как оголтелое, он даже дышать перестал, замер, обратившись в слух и не разу не прервал отца.

– Одиннадцать лет назад я шел в Аззам этой же дорогой, но мой путь занял вместо шести часов все двадцать. Тогда были сложные времена, военные Анмара бесчинствовали, врываются в деревни, города, обыскивали дома, устраивали допросы, казнили людей без суда и следствия, обвиняли в политических заговорах против короля, предательстве. Но какие заговоры могли вести простые деревенские жители против Мактума? Мы никогда его не видели, в столице не бывали, а о его борьбе с братом за трон узнали, когда начались гонения, обстрелы, обыски. Аззам сия участь миновала, но часто бывая в других поселках, я много чего ужасного слышал и видел. Отправляться на заработки в одиночку было опасно, но выбора особого не было. За любую работу брался. А пуля или мина – они и в Аззуме достанут. В общем, отработал я тогда неделю в городке Риян, деньги получил, и на обратном пути услышал грохот взрывающихся снарядов неподалеку. Показалось что бомбят посёлок на

восточной границе провинции. Я сделал значительный крюк, чтобы не нарваться на военных, но немного заблудился с испугу и пришлось заночевать в пустыне. Мне не привыкать, соорудил палатку и даже успел уснуть. Ночь была тихая, безветренная, холодная, а тёплой одежды я не взял, поэтому сон был чуткий. Меня разбудили жалобные стоны. Сначала подумал, что зверек какой в лапы хищника угодил или птица кричит, а потом прислушался... Нет, не может ни птица, ни животное женским голосом кричать. Я вышел из палатки и пошел на звук, хотя не видно было не зги. Фонарик прихватил, но толку от него, если тьма вокруг густая, как сливочное масло. Я нашел ее в тридцати метрах от палатки, за барханом. Девушка, юная совсем, с непокрытой головой, в рваной кандуре. Посветил фонариком и обомлел. Волосы белые, как платина, кожа, как молоко, лицо от боли перекошено, рубашка в крови, руки и ноги осколками порезаны, на плече рана глубокая. Подумал, что из-под обстрела девчонка сбежала. У меня воды была с собой фляжка маленькая, я наклонился и попить хотел дать. Она испугалась, биться начала, а потом закричала не своим голосом, за живот схватилась. Я сначала и не понял, что девушка беременная. Худая очень, да и ночь темная выдалась. От шока и боли у нее роды начались. Вокруг не души, она кричит, мучается. Что делать? Чем помочь? Не оставлять же с дитём умирать. Ее бы мне в одиночку все равно не дотащить на себе, а так подумал, хоть ребенка похороню, как полагается. Не верил, что живого родит. Раненая вся, живота не видать совсем... Но ошибся я. Роды быстро прошли. Мне и делать ничего не пришлось. Она торопилась сильно, боялась не успеть. Силы все свои отдала, а мальчик живой родился, закричал сразу. Я пуповину ножиком обрезал, и положил на грудь девушки. Она была уже очень слаба, но у нее хватило сил обнять сына и прижаться губами к окровавленной головке, и ребенок перестал плакать, почувствовав тепло матери. А потом голову подняла и на меня посмотрела. Глаза ясные, светлые, губами шевелит, словно сказать что-то хочет. Я рядом на колени присел, и она зашептала, быстро, обрывками фраз, неразборчиво, но главное я понял. Поверить не мог, испугался до смерти. Сидел на песке и думал, что мне дальше делать. А девушка так и умерла, склонившись над младенцем и сжимая израненными руками, словно пытаюсь защитить. Я забрал ребенка, снял с себя рубаху, обтер, как смог, и завернул. А потом увидел кольцо на ее пальце. Сверкнуло в темноте, необычное, красивое, с камнями блестящими. Что драгоценные они, я уже потом понял, а когда с пальца ее снимал, не до того было. Хотел, чтобы у сына память от матери сохранилась. Я там ее оставил. Прикрыл одеялом своим, мальчонку забрал и ушел еще до рассвета. Думал утром вернусь с мужиками из поселка, заберем тело и похороним. Да, не судьба видимо. Утром военные совсем близко бомбить начали, словно озверели, и так несколько дней подряд. Мы с женой из подвала не выходили, не за себя боялись, за ребенка. У нас незадолго до этого первенец

умер, и мы решили, что сына нам Аллах послал, тряслись над колыбелькой, глаз не сводили. Я много тогда думал о белокурой девушке, что ребенка нам подарила, а сама умерла в муках, о словах ее последних, в которые поверить было страшно, и я решил, что привиделось ей в горячке. От боли люди с ума сходят, а она юная совсем была. Не из наших мест, нет у нас таких беленьких и голубоглазых. Откуда взялась, что случилось? Много версий у меня в голове крутилось. От работорговцев сбежала, когда обстрел начался, или от мужа – кто ж теперь угадает? Но на рабыню не похожа была, да и перстней с рубинами рабыни не носят. Украсть могла, но опять же – ты посмотри на герб на оттиске. Не наше это, Джамаль, не мусульманское. Будет лучше, чтобы кольцо не видел никто. Люди разные бывают, и украсть могут и позавидовать, и придумать что-нибудь... – отец прервался, чтобы вдохнуть раскаленного воздуха, провел ладонью по взмокшему от волнения лбу, посмотрел на сына неуверенно. – А ты, что молчишь. Ни одного вопроса не задал?

– Не родной я вам, выходит? – охрипшим голосом спросил Джамаль, и обняв отца, на плече его лицо спрятал. В горле зацарапало, плакать хотелось, но слез не было, только в груди горело так, что дышать больно.

– Да, как неродной, Джамаль? Мы тебя на своих руках с матерью вынянчили, есть в тебе наша кровь или нет – не имеет значения. Ты дальше слушай, чтобы понять все правильно.

Джамаль

Голова лопается от боли. Мерзкое ощущение. Я не склонен к мигреням, мой болевой порог гораздо выше, чем у большинства людей. Никаких особых техник или тренировок – жизнь научила и закалила – слишком часто и безжалостно била. Первые несколько ударов всегда ощущаются ярче, но после... после ощущения притупляются, пока не становятся привычными, терпимыми. Физическая боль меня давно не пугает, но есть и другая, к которой у меня еще не выработался иммунитет, потому что я не так давно узнал об ее существовании.

Тряхнув головой, откидываюсь на обитое кожей изголовье кровати, пытаюсь прогнать неприятные симптомы. Но становится только хуже. Боль перемещается на затылок, сдавливая голову сильнее. Мышцы ноют от напряжения, в котором я нахожусь с того момента, как Кадер ошарашил меня новостями. Мне не

привыкать выстраивать логические цепочки и многоходовые комбинации, и я делаю это почти с удовольствием. Ничто так не тренирует мозг, как постоянная его загрузка сложными задачами. Но иногда всего одна неучтенная деталь способна разрушить самую прочную доведённую до совершенства мысленную конструкцию, и пытаюсь понять, где именно просчитался.

Продолжая анализировать сложившуюся ситуацию, я рассеянно наблюдаю за грациозными и пластичными движениями Аиды, решившей поднять мое настроение чувственным танцем. Нет, мне вовсе не мешает думать ни ритмичная быстрая музыка, ни соблазнительные покачивания бёдер рыжей красавицы, ни волнообразные движения живота, ни мелодичный звон монеток на ее поясе, ни томный взгляд ярко покрашенных глаз цвета расплавленной ртути. Зеленая легкая юбка взлетает при каждом движении танцовщицы, обнажая стройные босые ноги, округлая грудь сексуально подпрыгивает в тугом лифе, декорированном стразами и блёстками, привлекая к себе особое внимание. Аида изгибается подобно змее, каждое движение отточенное, чувственное, эмоциональное. Она превосходно владеет своим телом, передавая через танец внутренний огонь и страсть. Цвет волос, данный моей жене от природы, полностью отражает ее суть. Мы распознаем темпераментных горячих женщин с первого взгляда, даже если они пытаются выглядеть скромницами. Проверенный не единожды радар редко ошибался. В Аиде действительно есть что-то пленительное, языческое, но даже самое вкусное лакомство рано или поздно приедается, теряет первоначальный вкус и остроту. Да и длительные поездки за границу не способствовали укреплению привязанности. Я могу привести десятки доводов, почему складывается так, а не как-то иначе, но только истинная причина скрывается глубже. Ни Лейле, ни Аиде не удалось затронуть мое сердце, которым владел голубоглазый призрак Эйнин, оживающий на многочисленных полотнах. Если бы я мог знать, что она выжила и судьба сведёт нас снова, но, увы, я не обладаю даром предвидения, и никто из нас не властен над временем. Изменить прошлое невозможно, как и отменить приятые решения.

Я вовсе не горжусь тем, что собираюсь сделать, но Аллах свидетель, Эрика Доусон перешла все границы. Я сделал все, чтобы она возненавидела меня и даже под страхом смерти не рискнула появиться в Анмаре, но неугомонная своенравная пантера снова здесь, вместо того чтобы оплакивать разбитое сердце в Нью-Йорке. Случайность любого рода я смело вычёркиваю – она приехала сюда с определенной целью. Новое задание, месть или что-то еще за гранью моего понимания? В случае с мисс Доусон сложно строить логические схемы. Она абсолютно непредсказуема. Сейчас меня больше интересует, как

далеко Эрика зашла, и что ее связывает с Искандером.

Мои наблюдатели сообщили, что ведут они себя как влюбленная пара.

Если она трахается с ним, я ее убью. Не сразу. Мысль о том, что, возможно, прямо сейчас Эрика ублажает принца, рисует в голове тошнотворные образы. Неконтролируемая, бессильная и бесполезная в данный момент ярость заставляет стискивать челюсти, от напряжения ломит скулы, сердце отбивает барабанную дробь. Гребаное богатое воображение не всегда играет мне на руку. Опустив руку на колено, я непроизвольно сжимаю пальцы в кулак и вздрагиваю от резкой боли в травмированной ладони. Звон монеток и бодрые ритмы вызывают внезапный приступ раздражения. Подняв голову, я встречаю горячий многообещающий взгляд Аиды. Никогда не смогу представить агента Доусон в подобном образе, даже использовав все свое пресловутое воображение. Она станцует для меня только под дулом пистолета, при этом не забывая плевать ядом. Но даже в этом случае я буду сходить с ума от бешеного желания подмять ее под себя и трахать без остановки, пока злобное шипение не сменится умоляющими стонами.

– Хватит, – резко бросаю я.

Ида озадаченно хмурится, улыбка сползает с красивых губ, и она останавливается, растерянно хлопая ресницами.

– Выключи музыку, – требую я, и она беспрекословно выполняет приказ.

– Тебе не понравилось, сайиди (с араб. мой господин)? – мягко спрашивает она, не выказывая своей обиды и удивления. Обычно Аиде удается быстро и легко снять мое внутреннее и внешнее напряжение. Не только танцами, разумеется. Но сегодня ее особые таланты меня оставили безучастным.

– Ты была восхитительна, Ида. Я просто немного устал, – уклончиво отвечаю я. Неторопливо и грациозно приблизившись, она присаживается на край кровати и, протянув руку, запускает пальцы в мои волосы.

– Я могу сделать тебе массаж. Помогает от усталости и головной боли, – взгляд стальных глаз обеспокоенно изучает мои черты. – Или приготовить расслабляющий травяной чай.

– Ты очень заботлива, Аида, – подушечки ее пальцев находят пульсирующий источник боли в висках. С удивлением замечаю, как неприятные симптомы стихают под массирующими легкими касаниями. Закрываю глаза, позволяя искусным рукам Аиды продолжить начатое.

– Мы с Лейлой очень любим тебя и волнуемся, – придвинувшись ближе, приглушенно воркует она, обдавая меня теплым дыханием.

Она пахнет розой, и невольно этот аромат навеивает воспоминания совсем о другой женщине и прикосновениях моей кисти, смоченной в розовом масле, к скованному обнаженному телу. Скоро у нас появится возможность повторить пройденный урок. Эйнин заслужила небольшую взбучку. Небольшую – это мягко сказано. Надеюсь, у нее есть логическое объяснение сотрудничеству с Искандером аль-Мактумом. Немыслимо... О чем, Шайтан меня побери, я думаю?

– Ты сам не свой после ранения. Нас тревожит твое состояние, Джамаль-джан (с араб, Джан – душа, жизнь). Если тебя что-то тревожит, то ты можешь обо всем рассказать своей Аиде, – ее пальцы неспешно спускаются на бордовый шрам от пули на шее.

– Я не любитель разговоров, – отзываюсь сухо, ощущая растущее внутри раздражение.

– Ты мог погибнуть, Джамаль, а сейчас ведешь себя так, словно ничего не случилось. Не стоит все держать в себе, любимый. Мы с Лейлой едва с ума не сошли, пока нас держали в неведении. Но Аллах милосерден, он услышал наши молитвы, и ты снова с нами, но...

– Ида, сделай лучше свой чай, – резко обрываю жену, перехватывая ее запястье и отводя в сторону.

– Я снова что-то сделала не так? – в распахнутых глазах мелькает искреннее недоумение. «Все не так, Аида». Но дело не в ней, мысли о другой женщине приводят меня в обжигающую ярость.

– Ты становишься так же болтлива, как и Лейла.

– Ты несправедлив к ней, – Аида неожиданно вступается за первую жену.

– Вы не виноваты в моем настроении, – смягчившись, объясняю я. – Ни ты, ни Лейла. Поэтому прекрати пытаться меня. Я уверен, что это проделки одной любопытной и ревливой красавицы, которая наверняка стоит под дверью, пытаюсь подслушать, о чем мы говорим.

– Ты считаешь, что я не способна заметить, что мой муж изменился? – теперь она выглядит обиженной. – Что его что-то гнетет, он почти не бывает дома, не уделяет нам внимания, не проводит ночи в постели с собственными женами.

– Ты забыла, Аида, что я несколько месяцев назад получил сложнейшие ранения, из-за которых не могу полноценно заниматься профессиональной деятельностью. Я архитектор, а, чтобы работать с чертежами, нужны обе руки, и это чертовски огорчает меня.

– Чтобы любить своих жен, руки не нужны, Джамаль, но я понимаю... Чай. Я принесу, – сбивчиво произносит она, внезапно вставая. Струющийся шелк взмывает в воздух, монетки мелодично звенят, когда Аида резко разворачивается и направляется к двери. Распахивает ее намеренно широко, чтобы продемонстрировать, что мои выводы о Лейле ошибочны. Разумеется, я утрировал, но Аида восприняла мои слова буквально. Признаться, я бы с большим удовольствием выпил виски, чем травяной чай. Алкоголь не лучшее лекарство от головной боли, но с навязчивыми мыслями иногда помогает справиться. И кальян бы не помешал...

Встав с кровати, я выхожу на балкон, прихватив с собой сигареты. Прикурив одну, опираюсь локтями на перила, рассеянным взглядом приходясь по цветущему круглый год внутреннему саду. Недалеко от круглого мраморного фонтанчика я замечаю Лейлу, одиноко сидящую в тени финиковой пальмы. Она выглядит глубоко задумчивой и несчастной. Аида проболталась, что брат звонил после того, как мы с Эрикой появились в его доме, и, разумеется, поделилась новостями с Лейлой. Случайно или нет, но я уверен, что это Лейла донесла информацию Кадеру. Именно поэтому нас с Эрикой вычислили так быстро. Я должен был предупредить Равиля, но кто бы мог предположить, что мужчины порой не менее болтливы, чем женщины.

– Джамаль? – окликает меня Аида, проходя на балкон. И в этот момент Лейла поднимает голову, встречая мой взгляд, в котором вспыхивает неприкрытая боль, быстро встает, одёргивая подол голубого шелкового свободного платья, и уходит, опустив голову. Если она шпионит за мной осознанно, то я должен быть начеку круглые сутки. В собственном доме, с собственной женой. С ума сойти. Ида обнимает меня за плечи, прижимаясь сзади полной грудью.

– Ты должен поговорить с ней, – положив голову на мое плечо, тихо говорит она, провожая взглядом удаляющийся силуэт первой жены. – Лейла очень страдает. – Аида мягко тянет меня назад, увлекая в спальню.

Мы усаживаемся среди разбросанных пестрых подушек на полу напротив друг друга. Ида успела переодеться в кружевное изумрудное платье, просвечивающее очертания миниатюрного стройного тела. По комнате распространяется запах травяного настоя. Приятный, надо признать. Взяв чашку из рук жены, я пробую горячий напиток, втягивая ноздрями опьяняющий аромат.

– Надеюсь, это не приворотное зелье? – пытаюсь пошутить я, чтобы снять сковывающее меня напряжение. Аида загадочно улыбается, медленно придвигаясь ближе. Между приоткрытыми розовыми губами блестят жемчужные зубы, светлые глаза искрятся весельем.

– Если бы я знала такой рецепт, то использовала бы еще в первую нашу встречу, – отвечает Ида, откидывая за спину тяжелые медные волосы и демонстрируя красивую линию плеч, изящную шею и хрупкие ключицы. Мой взгляд непроизвольно движется в глубокий вырез платья, едва прикрывающего полушария упругих грудей.

– Насколько я помню, в тот момент тебе было, мягко говоря, не до приготовления зелья, – мрачно напоминаю я.

– Это точно, – тяжело вздохнув, подтверждает Ида, скользнув кончиками пальцев по моему плечу, обтянутому белой рубашкой. – Тебя привел Аллах, другого объяснения нет. Тот человек убил бы нас.

– Я просто услышал крики, – это не совсем правда. Я находился на задании неподалеку, когда получил сигнал, что в один из домов деревни ворвался мужчина с оружием. Заезжий кочевник или один из торговцев, отставший от

каравана. Его раньше никто не видел. Не совсем моя компетенция, но так как я был ближе всех, то решил взять ситуацию под свой контроль. Разумеется, действовал, как частное лицо.

– Крики слышала вся деревня, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь, – ожесточённо отвечает Ида. Я сделал еще один глоток чая, ощущая на языке необычный терпкий и одновременно свежий вкус, обладающий согревающим и расслабляющим действием.

– У него было оружие, а у соседей – нет, – напоминаю я. Мы редко касаемся в разговорах обстоятельств нашего знакомства. Уверен, что для Иды это не самые романтические и приятные воспоминания.

– Он был ранен, а они просто побоялись, – оспаривает она. И снова заблуждается, но лучше пусть думает, что ее односельчане – трусливые шакалы.

В действительности события развивались иначе. Окровавленный, вооруженный обрезом бедуин ворвался в дом Равиля по наводке одного из местных жителей. Аида промышляла изготовление настоек, неплохо разбиралась в травах, лечила детей, беременных женщин, за что за спиной ее прозвали ведьмой. Наша вера не одобряет разного рода шаманство, но в деревнях, вроде той, где выросла Аида, нет другой доступной медицины. Остаются только знахарки. Травницы. И другие целительницы. В случае с Аидой сыграл немаловажную роль ее юный возраст и яркая внешность. Женщины в деревне ее ненавидели, сочиняли нелепые истории, а мужчины... Мужчин останавливал только Равиль, но парня с обрезом остановить у него не хватило сил. Я успел вовремя, иначе обезумевший от боли и агонии раненый бедуин расстрелял бы и брата, и сестру за отказ последней оказать ему помощь. Да, и как может помочь травница мужчине с огнестрельной раной? Наша схватка была короткой, но сукин сын успел слегка задеть меня, выстрелив из обреза. Со взбесившимися скотами, у которых перед глазами бардовая пелена и кипящая ярость в крови, сложно действовать согласно наработанным планам. Задело несильно, но шрамы остались, которые в последствии пришлось скрыть под татуировкой.

– А самое неприятное, Джамаль, что меня же и обвинили во всем. Никогда не могла понять, почему человека, который старается всем помочь, ненавидят и хотят уничтожить, унижить, растоптать, – с горечью говорит Аида, прижимая одну ладонь к вздымающейся груди. Я перевожу взгляд на порозовевшее от переживаний лицо. И внезапно понимаю, зачем она завела этот разговор. Аида

пытается отвлечь меня, напомнить, что в нашей жизни случались события и похуже. И опять мимо. Тот случай в ее деревне не был самым сложным в моем послужном списке.

– Пора забыть о случившемся, а соседей простить, – миролюбиво говорю я, допивая чай. – Сейчас тебе ничего не угрожает.

– Простить? – возмущается Ида. – Они едва не убили меня.

– Мы все представляли жуткое зрелище, когда они ворвались в дом. – замечаю я, вспоминая стены и пол, залитые кровью убитого. Настоящее логово Шайтана. Аида в рванном, окровавленном платье, трясущаяся от ужаса, оглушенный Равиль без сознания, бездыханный труп бедуина, раскинувшегося в центре крошечной комнаты. И я тоже выглядел не лучшим образом. Есть чего напугаться суеверным жителям крошечной деревушки, где до сих не во всех домах проведено электричество. Мне пришлось тогда увезти Аиду, иначе они наверняка подвергли бы девушку самосуду, обвинив в самых немыслимых преступлениях. Разумеется, вернуться назад, после того как уехала с мужчиной, Аида не могла.

Я не собирался жениться, даже в мыслях не было. Действовал по обстоятельствам. Бросить девчонку там – обречь на мучительную смерть от своих же. Максимум что мог предложить – работу в нашем с Лейлой доме. Но что-то определенно пошло не так с какого-то момента... Переодевшись и умывшись, Аида внезапно преобразилась и произвела на меня ошеломительное впечатление. Я не влюбился. Это была чистая похоть, которую Ида всячески поддерживала, используя свои девичьи уловки. Она постоянно попадалась мне на глаза, не забывая каждый раз благодарить за спасение с нескрываемым обожанием во взгляде и робкой смущенной улыбкой. Однако мои мысли были очень далеки от благородных.

Аида стала не только объектом сексуального желания, но и раздражающей помехой. Трахнуть служанку в собственном доме, где живет моя официальная супруга – за гранью дозволенного даже для меня. То, что допустимо в Нью-Йорке, в Асаде воспринимается совсем иначе. Я собирался сослать возмутительницу своего спокойствия к своим знакомым, которым требовалась прислуга, но Лейла умоляла оставить Аиду, тоже удивительным образом попав под чары рыжей колдуньи. Наслушавшись душераздирающих историй о судьбе Иды, она прониклась к ней, как к родной сестре.

Можно сказать, что я пошел на поводу у своих инстинктов, женившись на Аиде, но, что в тот момент, меня сдерживало? Я мог позволить себе содержать двух женщин. К тому же обе они не возражали против заключения брака. Решение казалось логичным и взвешенным. Двум женщинам не так одиноко в доме, когда муж месяцами отсутствует; свою потребность в болтовне и сплетнях они реализуют друг с другом и теткой Лейлы, приглядывающей за моими женами во время длительных командировок. А что касается мужского долга... Какой молодой мужчина откажется от двух красавиц, готовых по очереди делить с ним постель? Ждать его месяцами, окружать заботой и любовью?

В Асаде никого не удивить большими семьями, в которых больше одной жены. Тут даже не вопрос религии и традиций, а больше – финансовых возможностей. Содержать даже одну жену – недешевое удовольствие, и позволить взять вторую, третью и четвертую могут позволить только самые обеспеченные анмарцы. Взять хотя бы Дамира аль-Видада. Жен советник короля меняет, как только старшей исполняется восемнадцать. Разводится всегда тихо, не привлекая внимания общественности. Пожизненное содержание и значительный откуп затыкают рот отвергнутым женщинам и позволяют сменить место жительства, начать жизнь с чистого листа.

– О чем ты думаешь? Снова где-то не здесь... – мягко произносит Аида, вставая коленями между моими расставленными бедрами. Одной ладонью она прикасается к моей щеке, другой ласково поглаживает плечо. От ее волос по-прежнему пахнет розой, и это чертовски сбивает с мысли. Ида шумно вздыхает, придвигаясь ближе, в широких от возбуждения зрачках качается мое отражение. Меня и правда слегка качает... Странные ощущения нарастают стремительно. Легкое головокружение, туман перед глазами, пульсирующее тепло в венах, оттенки цветов ярче, биение сердца громче. Аида чувственно улыбается, и движение ее губ слегка искажается, замедляется во времени, а голос не успевает за губами. – Позволь мне помочь тебе, сайиди. Не думай ни о чем, – ее пальцы опускаются к пуговицам на рубашке, неторопливо расстегивают их. – Тебе необходимо расслабиться.

– Это то чего мне точно нельзя делать, – ухмыляюсь я, и мой голос звучит слишком низко, глухо, заторможено. – Скоро все изменится, Ида. Для нас всех, – произношу я, когда она резко распахивает рубашку и прижимается губами к моему соску, сжимает острыми зубками, отбросив за ненадобностью робость и застенчивость.

– Все уже изменилось, любимый. Ты можешь рассказать обо всем, что тебя тревожит. Я всегда выслушаю тебя, и пойму, как никто другой, – она внезапно толкает меня ладонями в грудную клетку, и я падаю спиной на мягкий ковер. Веки кажутся тяжелыми, мне не хочется шевелиться и принимать участие, но в тоже время я ощущаю мощное сексуальное возбуждение.

– Эй, я же сказал, что не в настроении, – поизношу с трудом разбирая собственный голос, когда Ида берется за мои брюки, уверенно расстёгивая ремень.

– С настроением всё в порядке. А руки тебе не понадобятся. Аида сегодня все делает сама, – мягким обволакивающим голосом воркует она, расстегивая ширинку и жестко сжимая мой пульсирующий член ладонью, давая понять, что я в надежных руках, – Аида позаботится обо всем, хабиби. – резко сдергивает мои брюки вниз вместе с боксерами и забирается на меня сверху, потираясь промежностью о твердую эрекцию. Задрав подол платья, она мгновенно избавляется от него, выбрасывая за спину. Поднимает руками густые волосы, призывно выгибаясь. Облизав пересохшие губы и задыхаясь от похоти, я смотрю на ее полные груди с розовыми твердыми сосками, протягиваю руки, чтобы сжать их в ладонях, и замечаю, как мелко дрожат пальцы. Взгляд движется выше к покрасневшему возбужденному лицу Аиды, но вместо стальных глаз жены вижу прозрачно-голубые, вместо медных волос по ее плечам струятся черные локоны. Я застываю, потрясённый видением. На висках выступает холодный пот, и я запоздало замечаю, что головная боль давно утихла. Аида продолжает сладострастно улыбаться, не заметив напряжённого выражения моего лица.

– Как же я скачала по тебе Джамаль, – наклоняясь, шепчет она мне прямо в губы. Скользит теплым язычком вдоль линии рта. – Так безумно скучала, – повторяет приглушенно, со стоном потираясь о мой стояк. Ее губы плотно прижимаются к моим и с стискиваю зубы, не позволяя углубить поцелуй и в следующее мгновение резко отстраняю от себя, схватив за горло. Аида испуганно всхлипывает, схватившись за мое запястье. В распахнутых, снова серебристых глазах мелькает изумление и испуг, только подхлестывающие мою ярость. Второй рукой сгребаю рыжие локоны на затылке, оттягивая голову назад.

– Что за пойло ты мне дала? – грубо спрашиваю я. – Может не врали жители деревни, и ты правда ведьма, Аида?

– Нет, клянусь, – она трясется от страха, по щекам стекают отчаянные слезы, но не пытается пинаться или сражаться со мной. Опомнившись, убираю пальцы, отпуская ее. Прижав ладонь к горлу, на котором наверняка останутся синяки, Ида отползает в сторону, горько рыдая. – Я хотела, чтобы ты забыл о проблемах и вспомнил обо мне, – пытается оправдаться она. Черт, а пошло и правда сработало, я на время отвлекся и...вспомнил, но совсем не об Аиде. Дернув головой, сбрасываю остатки дурмана.

– Больше никаких твоих волшебных чаев, поняла? Хочешь заниматься этой ерундой возвращайся в деревню и испытывай свои чары на местных мужиках, которые, уверен, не успели забыть тебя, – свирепо бросаю я.

– Никогда. Клянусь, Джамаль, – торопливо обещает Ида, мелко вздрагивая от пережитого стресса.

– Опоить меня вздумала. Совсем свихнулась, – жестко ухмыляюсь я, постепенно успокаиваясь. Подняв зад, подтягиваю брюки и затягиваю их. – Я почти угадал, когда говорил про приворотное зелье. Только как видишь оно подействовало не так, как ты ожидала.

– Нельзя приворожить мужчину, мысли которого принадлежат другой, Джамаль, – охрипшим голосом произносит Аида, и я удивленно смотрю в ее наполненные слезами глаза. – Ни травами, ни колдовством. Это все миф. Мне все равно, кто она. Но ты наш муж. Наш с Лейлой. Мы не заслужили твоего пренебрежения.

– Это Лейла вбила в твою голову мысли о другой женщине? – нахмурившись, требовательно спрашиваю я.

– Я не слепая, сайиди, – поспешно надевая платье, с горечью произносит Аида. Встав на ноги, она окидывает меня изучающим печальным взглядом. – Я больше не стану навязываться тебе, Джамаль. Ты знаешь, где находится моя спальня.

– Да, что за Шайтан в тебя вселился, женщина? – Ида впервые осмелилась упрекать меня и выставлять условия. Ей больше свойственны покорность и смирение, а значит, тут точно не обошлось без влияния Лейлы.

– Шайтан тут не причём, сайиди, – хриплым шепотом отвечает она, и добавляет громче, вскинув подбородок и уверенно глядя мне в глаза. – Я хочу своего мужа. Только и всего. Кто может упрекнуть меня в этом?

Глава 4

Рика

– Последний штрих, – Шерил Трип – одна из лучших визажистов Европы, и именно ее Искандер нанял в качестве моего личного мастера по красоте и возложил на девушку ответственность за мой внешний вид на официальных мероприятиях. Если доверять безостановочной болтовне Шерил, которая сразу проговорила мне о том, что заключила контракт с менеджером наследника на два месяца, в ближайшее время мне предстоит посетить далеко не одно светское собрание. Сегодня мой дебютный выход в свет, боюсь представить, сколько камер направят в нашу сторону и сколько журналистов-стервятников будут готовы продать душу дьяволу ради того, чтобы урвать у спутницы принца хотя бы небольшое интервью. Но этот факт совершенно не льстит и не радует меня, как могло бы показаться, наоборот – меня напрягает излишнее внимание, ведь мои цели пребывания в Анмаре далеки от незатейливой демонстрации своих нарядов на подобных тусовках с королевским размахом.

Сама до конца не понимаю, в каком качестве буду присутствовать на благотворительном вечере, сопровождая Искандера Аль-Мактума. И я не представляю, какую сенсацию и новость раздуют из этого СМИ и как отреагирует на провокационные заголовки Джамаль..., меня не должно волновать его мнение, дважды женатого человека, верно? Все время забываю о пропасти размером с кратер вулкана, пролегающей между нами, и не могу избавиться от гнетущего чувства, что каждую секунду, которую я провожу во дворце Искандера, я предаю Джамалю... или саму себя. Мои чувства к нему – смертоносный ком из закипающей магмы, которая может взорваться в любой момент, но я тщательно фильтрую свои мысли, стараясь даже не рассчитывать на встречу с Каттаном снова. Наша встреча не принесет нам ничего, кроме боли, разочарования и горького осознания того факта, что мост над бездной, разверзнувшейся между нами, никогда не будет построен вновь.

Хотя, где-то глубоко в душе, внутри меня все еще жива закоренелая стерва, которая не прочь позлить Джамалю легким флиртом с Искандером Аль Мактумом. Я знаю, насколько это глупо, но не могу отделаться от желания увидеть его ревность и ярость, хоть какое-то доказательство искренности его чувств ко мне в тот момент, когда он заметит меня с Искандером в утренних СМИ. Видеть его одержимость мной – мой самый большой страх и самый сладкий наркотик, и впервые я распробовала его оттенки именно в «Шатрах Махруса», когда Джейдан овладел мной в тесном шатре, устроив предварительный допрос с пристрастием. Его голод – это то, что способно надолго заткнуть мою гордость и усмирить мой нрав дикой пантеры до состояния ласковой ручной кошки.

Шерил захватывает две пряди волос спереди и сцепляет их на затылке серебристым гребнем, распыляет на мои завитые в объемные локоны волосы целую тонну лака, от чего они становятся упругими и игриво пружинят при каждом повороте головы. Шерил удалось сделать невозможное – не меняя истинные черты моего лица, подчеркнуть его достоинства и замаскировать недостатки, при этом сделать это так мастерски, что я с легкостью узнаю себя в зеркале. Обычно для съемок мне делали такую сильную коррекцию лица, что я потом с трудом смывала с себя нарисованные впалые скулы и чересчур тонкий нос.

– Мне очень нравится, ты волшебница, – благодарю я Шерил, перекидывая волосы на одну сторону, наблюдая за тем, с какой любовью мисс Трип очищает каждую кисть и аккуратно складывает ее в свой увесистый кейс визажиста.

– Так я накрасилась бы сама, если бы была приглашена на прием с принцем, – заговорщицким шепотом подмечает Шерил, сканируя меня пылливо хитрым взглядом. Не дождавшись моего ответа на свою провокацию, она распускает хвост густых рыжих волос, опускается на мягкий пуфик перед туалетным столиком рядом со мной и мечтательно выдыхает: – Меня чертовски привлекают восточные мужчины. Может, и для меня найдется красивый шейх?

– Нравятся темненькие? – удивленно вскидываю брови, замечая в глазах Шерил плохо скрываемую тоску, печаль и грустный блеск в глазах, свойственный исключительно одиноким женщинам. Бесконечно ищущий свою судьбу взгляд – надежный способ оттолкнуть от себя всех достойных кандидатов на твое сердце, но об этом я не стану говорить ей вслух.

– У нас, в Голландии, очень трудно найти настоящего мужчину. Красавцев много, но мужественных и сильных можно пересчитать по пальцам, причем мне хватит одной руки. Может, мы и сами виноваты в том, что они стали ленивыми и трусливыми в отношениях с женщинами... вечно выступающие за свои права феминистки породили подкаблучников и мягкотелых неудачников, – Шерил возводит глаза к потолку и недовольно поджимает губы, поморщив вздернутый носик, будто вспоминает неприятную для себя картину: – Куда чаще можно встретить двух мило воркующих парней, держащихся за ручку, чем мужчину, носящего свою девушку на руках! Здесь абсолютно другой мир. Так много мужчин с безумной звериной энергетикой, от которой у меня голова кружится и коленки дрожат, – Шерил картинно вздыхает, прикладывая внешнюю сторону ладони ко лбу, и нервно хихикает: – Время идет, а я так давно одинока. Не обращай внимания на все, что я тут несу, – отмахивается она, явно жалея, что так разоткровенничалась. Хотя про «звериную энергетiku» она права, по крайней мере, я знаю одного восточного мужчину, обладающего подобной внутренней мощью, и это не Искандер Аль-Мактум.

– Брось, ты так молода. Ты еще встретишь свою... судьбу, – сердце невольно пропускает удар, когда я произношу последнее слово. Мактуб мало встретить, важно – сохранить, удержать, сберечь... мы не смогли этого сделать, отказавшись от подарка Вселенной, или же обстоятельства оказались выше судьбоносной встречи?

– Мне тридцать пять, за плечами неудачный брак, – Шерил опускает одну из пышных кистей в пудру и успокаивающим движением начинает похлопывать ей по щекам. – Любимая работа, к счастью, спасает положение.

– Ты выглядишь не старше двадцати семи, – ободряющим тоном делаю искренний комплимент я. – В следующий раз я выбью тебе местечко на мероприятии. Как знать, может, ты удержишься в Анмаре дольше, чем на два месяца? – предлагаю я, замечая, как взгляд Шерил меняется, а губы раздвигаются в широкой улыбке, делая ее серьезные и четкие черты лица мягкими и миловидными.

– Ловлю на слове, – чересчур активно кивает девушка, в тот момент, когда в дверном проеме появляется напряженная фигура моего телохранителя. Мустафа провожает меня к кортежу из автомобилей, сопровождающих Искандера на мероприятие, и открывает дверь черного Maserati, помогая мне поместить длинный шлейф платья в салон так, чтобы не испачкать его крупными пылью.

Жемчужного цвета ткань платья приятно холодит все тело во влажном анмарском климате, спущенная линия плеч и внушительный вырез на бедре – достаточно откровенный для Анмара, но совершенно уместный и целомудренный для Западной девушки, делает наряд игривым, провокационным и притягивающим взгляды. Поправляя собравшуюся в складки ткань, замечаю Дерек, направляющегося к машине в сопровождении охраны, облаченного в стального цвета костюм, напоминающий мне своей формой доспехи. Мое сердце не сбивается с ритма, не делает сальто и не поет от благоговения, когда я вижу красавца и будущего правителя страны, но я прекрасно знаю, что на приеме Искандер не избежит голодных, расчётливых и влюбленных женских взглядов, а я – завистливых и презрительных, обливающих с ног до головы ядовитой желчью.

– Ты превосходно выглядишь, – Искандер опускается рядом, сразу поворачивая корпус в мою сторону.

– Почему я приглашена на подобное мероприятие? – я действительно не понимаю, почему Искандер оказывает мне такую честь и внимание, даже если я ему действительно нравлюсь, он должен понимать, что выходить в свет в сопровождении «оголенной» по местным меркам модели из США – не лучшая идея.

– Ты уже забыла? У нас роман, – с глухим смехом напоминает Дерек. Мужчина аккуратно накрывает мою ладонь своей, и мы оба опускаем взгляды на наши соединенные руки. В горле пересыхает, но не от сладкого волнения и соприкосновения с принцем, а от того, что испытываю отчаянную потребность одернуть руку, но не могу так открыто демонстрировать свое нежелание сближаться с Искандером. Мне нужна его защита в этой стране, необходимо выполнение моей изначальной миссии, с которой я сюда прилетела, и я понятия не имею, чем все может обернуться, если Искандер Аль Мактум раскусит меня и поймет, какие цели, помимо организации реабилитационного центра, я преследую.

– Разве женщине можно появляться с тобой на публике в таком виде? – поворачиваюсь на кресле так, чтобы прикрыть обнаженную разрезом платья коленку. – И поверь, это еще самое скромное из тех, что мне предоставили на выбор. Как я понимаю, они были отобраны с учетом твоего вкуса и пожеланий.

– Асад – мой город, Анмар – моя страна, Эрика. Мне можно абсолютно все, – его взгляд на мгновение превращается в острую молнию, пронзающую меня мощным разрядом, и властным жестом Искандер накрывает ладонью бедро над моим коленом. Желудок болезненно скручивает жгучим узлом, дыхание схватывает – его прикосновение слишком интимное, личное, и мне неприятно ощущать его, но есть причины, по которым я вынуждена играть роль той, что благосклонно принимает внимание Мактума, поэтому я продолжаю загадочно улыбаться, стараясь понять, насколько искренна его охота на меня, или же он также преследует в связи с бывшим агентом ЦРУ свои личные выгоды?

Через полчаса мы подъезжаем к поражающему воображение отелю «Luxury Asad Hotels», утопающему в огнях, мерцающих серебристым холодным светом, подобно звездам в открытой пустыне. Двигаясь вдоль побережья, невольно ловлю себя на мечтах о чудесном утре с видом на океан, открывающемся с верхних балконов отеля, и размышляю о том, как было бы приятно проснуться в одном из таких номеров с любимым мужчиной, неспеша позавтракать заказанными в постель терпким кофе и свежими круассанами, или, наоборот, отказаться от лишних калорий и «позавтракать» друг другом. Иначе порой нельзя выразиться – иногда мне правда казалось, что Джамаль выпивает меня жадными глотками, вечно ненасытный, голодный и требовательный – его поцелуи, переходящие в неудержимые укусы, действительно напоминали попытки «съесть» меня. Я хорошо помню, как невозможно удержаться от близости с ним, когда Джейдан рядом. Как хочется попробовать с ним все, что ни с кем другим никогда в жизни не захотела бы...

Я и сама была готова съесть его, ублажить каждый миллиметр тела... ощущаю, как кровь приливает к лицу, а низ живота начинает пульсировать от воспоминаний и возникновения соблазнительных горячих картинок перед внутренним взором: я вижу Джамалья, растянувшегося поперек круглой кровати в отеле «Океан». Его тело полностью расслаблено, не считая рук, сжимающих шелковую простынь в твердый кулак, и мышц пресса, сокращающихся сильнее каждый раз, когда я глубже вбираю в рот его каменный и всегда готовый принимать мое внимание и ласку член. То, какой сексуальной, раскрепощенной и женственной я чувствую себя рядом с ним, тоже своего рода наркотик. Ненасытной и жадной до его совершенного и сильного тела, которому хочется вечно доставлять удовольствие, наблюдая за вспыхивающими искрами вождления и удовлетворения, тлеющими в глазах цвета индиго.

Огромных усилий мне стоит сдержать стон в груди, не предназначенный для слуха Искандера.

Возвращаюсь в реальность, с болью отпуская более горькие воспоминания, которыми закончилось наше приключение в пустыне... надеюсь, на этот раз мое пребывание в отеле обойдется без неприятных «сюрпризов».

Все двери открывают перед тобой с особым почтением, когда ты являешься спутницей Искандера Аль-Мактума. Как я и предполагала, даже девушки из обслуживающего персонала провожают меня гневными взглядами, в то время как журналисты на входе пытаются прорваться к нам сквозь барьер из охраны с непроницаемыми лицами, а фотографы делают снимки каждого нашего с Дерекком шага и возбужденно перешептываются.

– Мы как раз вовремя. К началу аукциона «Лакшери корп». Самые эксклюзивные новинки коллекции не попадут на витрины магазинов, а будут распроданы здесь в единственном экземпляре, – я киваю, делая вид, что внимательно слушаю Искандера, хотя мне нет дела до процветающего бизнеса Саадатов и ослепляющих своим блеском лотов, каждый из которых представлен на сцене большого аукционного зала и закрыт стеклянной коробкой. Когда мы занимаем приготовленные специально для нас места в первом ряду, я откровенно скучаю, наблюдая за наигранным ведущим, развлекающим толпу обеспеченных анмарцев, крупных бизнесменов и инвесторов, каждый из которых ведет борьбу за поблескивающие побрякушки с целью продемонстрировать свой доход и возможность тратить миллионы долларов на украшения для своих меркантильных дам. Блеск драгоценных камней напоминает мне об украшении, которое для меня стоит куда больше всех сокровищ, которые только можно найти в недрах Земли – о кольце Джамалья. Я не расстанусь с ним никогда, даже когда не надеваю на палец или цепочку, потому что не доверяю прислуге Искандера, что ежедневно убирается в моей спальне, и поэтому сегодня я не нашла иного варианта, как спрятать перстень в уплотненный лиф своего платья. Надежнее места не придумаешь.

– Я думаю, оно подойдет к твоему браслету, – касаясь моей ладони, Искандер привлекает к себе внимание, выводя меня из задумчивого транса, и указывает на главный лот сегодняшнего вечера – алмазное тонкое ожерелье с завершающим изящную сверкающую композицию массивным рубином. – И здесь чего-то не хватает. Такую шею нужно подчеркивать, – Дерек опускает выразительный взгляд на мое открытое декольте и, приподнимая бровь,

непринужденным тоном интересуется: – Хочешь? – таким тоном, словно речь идет о мороженом за один доллар. Не дожидаясь моего ответа, поднимает вверх табличку, заявляя о своем участии в торгах за лот под названием «Страсть Афродиты».

Желающих потягаться с принцем не так много, но благодаря искусственно созданному всеми присутствующими «кошельками» азарту, у Искандера включается инстинкт охотника и хищника, и каждый раз, поднимая табличку в воздух, он озвучивает цену в полтора раза выше предыдущей. Наконец я облегченно выдыхаю, когда слышу три звонких удара, возвещающих об окончании схватки.

– Лот «Страсть Афродиты» продан принцу Искандеру аль-Мактуму! Мои поздравления, ваше высочество, – поднимая бокал с шампанским, Искандер салютует мне и расплывается в превосходительной ухмылке, кидая ленивый взор на стеклянную коробочку, которую нам подносит один из секюрити. – Дамы и господа, на этой ноте мы завершаем аукцион «Лакшери корп» и приглашаем вас на праздничный ужин, – совершенно не стесняясь бросать на меня сканирующие взгляды, гости организованно покидают зал, бурно обсуждая представленные украшения и баснословные суммы, за которые они были распроданы. Чувствую себя, мягко говоря, неудобно, замечая, как весь местный «бомонд» ловит каждый мой жест и взгляд, пытаюсь найти во мне изъяны и недостатки, но стараюсь не опускать голову и держать гордую осанку, не обращая внимания на бесполезные замечания сплетников.

«Слишком вульгарная!»

«Как откровенно...»

«Вы видели ее губы? А нос и грудь? Она вся сделанная.» – и это еще самые безобидные отрывки тех фраз, которые я услышала в свою сторону.

– Искандер, я не могу его принять. Колье стоит три миллиона долларов... – нервно выдыхаю я, находясь в шоке от того, что наследник потратил столь баснословную сумму на ожерелье, которое я, честно говоря, носить не собираюсь. В висках пульсирует горькая мысль, что чувствую я сейчас себя точно так же, как тогда, в «Шатрах Махруса», где Джейдан заплатил за меня вдвое меньше этой суммы. Но дело не деньгах, черт подери, а в явной

параллели, пролегающей между этими аукционами...

Быть проданной мне не так обидно, Рика. Или хотела, чтоб купил тебя кто-то другой?

Мой ответ прост, Джамаль.

Нет.

Глядя в глаза принцу Анмара, преподносящего мне свой нескромный дар, я понимаю, что принять от Искандера злополучное ожерелье будет настоящим испытанием. Я слишком серьезно отношусь к украшениям любого рода и браслет, подаренный Аль-Мактумом, я надела только на данное мероприятие, чтобы избежать лишних вопросов от Дерека.

«Только ты и я. Только наше, Эйнин.»

Это действительно только наше. Кольцо, четки. То, что всегда плотно прилегает к телу. То, что пронизано насквозь нашей особой историей и энергетикой. Только наше я хочу прижимать к своей коже, позволять соприкасаться с отбивающими пульс венами.

Надеть ожерелье, подаренное Искандером – это настоящее предательство по отношению к Джамалю, это хуже, чем плевок в лицо...

Хотя мне становится легче, когда я с горечью понимаю, что своим женам Джамаль дарит целые горы украшений – обеспеченные восточные мужчины балуют своих жен именно украшениями, так как анмарская женщина, несмотря на то, что вынуждена носить паранджу и никаб, всегда отражает статус и положение мужчины.

Жена состоятельного и успешного мужчины в Анмаре может надеть на себя все золотые и платиновые браслеты сразу, и это не сочтется безвкусицей, наоборот – «голые руки» считают признаками жены неудачника и бедняка.

Замечаю, как скулы Искандера слегка впадают от напряжения и ожидания моей реакции. Когда все посторонние лица покидают огромный зал, Дерек встает за

мою спину и перекидывает локоны на правое плечо, чтобы украсить мои ключицы дорогим украшением. Слегка вздрагиваю, ощущая прикосновение холодного металла к чувствительной шее. Кто бы мог подумать, что столь тонкое ожерелье будет ощущаться на коже словно ошейник?

– Ты достойна куда больших даров, Эрика, – я полностью цепенею, не в силах пошевелиться, когда чувствую прикосновение губ Искандера к затылочной зоне. – Если ты будешь моей, я подарю тебе все, о чем ты мечтаешь, – неистово шепчет Аль-Мактум, повергая меня в шок броскими и красивыми заявлениями. Похоже, принц заигрался. Или действительно влюблен? А может, банальнее – просто хочет трахнуть? – Ты вкусно пахнешь, – внезапно обхватывает мою талию, заковывает в тугое кольцо жестких рук, прикусывает мочку уха. Его язык скользит вдоль линии моей шеи, пока я отчаянно пытаюсь сообразить, как обозначить личные границы наследнику, за которые заходить не следует. Зажимаюсь, приподнимаю плечи, и плавно уворачиваюсь от его губ и навязчивых прикосновений. Наконец, полностью отстраняясь, нервно оглядываясь по сторонам:

– Не надо, Искандер, – его взгляд становится каменным, хлестким. Принц явно не привык к отказам. – Не здесь, хорошо? Тут так много людей... – как назло в зале давно никого нет, и я не сомневаюсь, что всех по-быстрому выпроводили по указке охраны Искандера. – К тому же я не готова... сблизиться с тобой. Пойми меня правильно, я здесь... не для того, чтобы стать твоей, Искандер, – не сразу нахожу правильные слова, но пытаюсь усмирить пыл принца, наблюдая за тем, как часто поднимается и опадает его грудь. – Я приехала в Анмар помогать детям. Кстати, всего за пару дней я добилась определенных успехов – каждый из них рассказал мне о том, где родился и о своей семье. Пора приступать к поискам. У половины из них есть родные и близкие, которые их очень ждут.

– Конечно, мои люди займутся этим уже сегодня. А тебе я дам столько времени, сколько нужно. Ты мне нравишься, Эрика. По многим параметрам, как внутренним, так и внешним. Я не требую ничего взамен. Пока нет. Мне нравится... эта игра, которую ты ведешь. Впервые мне интересно, – он подмигивает мне, имея в виду эту атмосферу «охоты», которую я создала в наших отношениях. Правда в том, что сделала я это не специально, мне действительно хочется держаться сейчас на расстоянии от принца.

– Спасибо за подарок, – подавленным и вымученным тоном произношу я, и, судя по поджатым губам Искандера, это не то, что он хочет от меня слышать. Чтобы

сгладить неловкость, возникшую между нами, благодарю его коротким поцелуем в щеку и стараюсь перевести тему, нежно заглядывая в его светлые глаза снизу-вверх с особо трепетным выражением. – Я проголодалась, может, присоединимся ко всем в ресторане? – а это уже откровенная ложь. Даже при желании не запихну сейчас в себя ничего калорийнее листка салата.

Мы выходим в ресторан, вновь попадая в шумный муравейник. Так называемые сливки общества, и от их показной «жирности» меня подташнивает. Красивая жизнь... меня многое в ней привлекает, но не лицемерие, которое является неотъемлемой частью диалогов подобной публики.

Пространство наполнено хаотичным смехом, вычурными тостами и звуком столкновения хрустальных бокалов, арабскими музыкальными мотивами, погружающих приезжих из Европы и Америки гостей в местный колорит, Восточную сказку. Женщины, объятые паранджой, вновь приковывают ко мне свои убийственные взгляды, некоторым пялиться не мешает даже присутствие мужа. Я же в свою очередь, легонько поведя плечом, расплываюсь в дружелюбной улыбке, держась как можно ближе к Искандеру. Заметив это, он аккуратно обхватывает мой локоть повелительным жестом, наклоняется к моему уху и отдает тихое наставление:

– Не обращай на них внимания. Ты здесь со мной. Я глубоко верующий человек, но, признаться, считаю, что красота женщины не должна быть только для мужа. Мне нравится, когда мне завидуют. Когда все восхищаются тем, чем могу обладать только я, – самоуверенно заявляет Искандер таким тоном, словно я вещь, и он уже мной «обладает». Конечно, я продолжаю улыбаться Дереку, пусть потешит свое эго, но подтверждать его явный намек я не намерена.

– Мне нужно отойти, Эрика, я скоро вернусь. Закажи себе пока что-нибудь, – Искандер одним жестом подзывает бармена, и я с облегчением отпускаю своего спутника:

– Конечно. Я буду ждать тебя здесь, – складываю кисти рук на барной стойке, поворачиваясь к собравшимся в ресторане спиной.

– Мустафа наблюдает за тобой. Ты в безопасности, – обнадеживающим тоном заверяет меня Искандер, и как только он уходит, я заказываю бокал Prosecco.

В одно мгновение кожа на спине покрывается инеем, вынуждая меня прогнуться и поежиться от ощущения на себе пристального, словно нацеленная мишень наемника, взгляда. Возможно, у меня паранойя, но, почувствовав себя слишком уязвимо, я поворачиваюсь к залу лицом, пытаюсь полностью расслабиться с помощью специальных дыхательных техник, выученных наизусть еще в лагере ЦРУ. Но никакие уроки и правила не избавляют меня от знакомого чувства, которое я ощущаю только когда рядом Джамаль Каттан, но я знаю, что это лишь проекция моего подсознательного желания... увидеть его.

Конечно, я хочу, до одури хочу, чтобы он был где-то рядом. Чтобы мы остались одни, поговорили обо всем и наконец расставили все точки над «и»... хочу услышать, что он никогда не любил ни одну из своих жен и что не притрагивался ни к одной из них после меня... утопия, мечта, несбыточная сказка наивной девочки. Мне, как и всем девочкам, свойственно мечтать, медленно потягивая из бокала шампанское...

А потом каждая клеточка моего тела леденеет от ужаса, в то время как в груди происходит настоящий апокалипсис, и сердце, будто залитое керосином, вспыхивает огнем мгновенно. Дышать так трудно, что все, чего я хочу, это сорвать с себя чертовы три миллиона долларов.

Я вижу его, моего асада. Прямой взгляд исподлобья. Холодный, жестокий, выбивающий почву из-под ног одним выстрелом. Мир перед глазами расплывается, за его спиной танцуют две незначительные тени, которым я с удовольствием показала бы, кому принадлежит этот широкоплечий мужчина, не сводящий с меня пристального, приковывающего к месту, взора.

Я не знаю, как все еще стою на ногах. Мне хочется кинуться к нему через весь зал и выпиться раскаленными от горечи, боли, обиды и желания губами в его рот, зацеловать до смерти, обхватывать точеные скулы, гладить легкую щетину ладонями и костяшками пальцев, пока не дождусь ответа... признаний... эмоций... сдавленного горячего шепота, разливающегося медом по венам. Чего угодно.

И хочется убить его, чтобы больше никогда не видеть в компании двух других женщин. Да, их лица и тела скрыты, но я прекрасно знаю, какими соблазнительницами могут быть на деле «скромные» арабки. Он трахал каждую из них, после всего, что было между нами...

Черт, меня просто накрыло, или я схожу с ума.

Это не Джамаль. Конечно нет. Мне показалось. Его и не может быть здесь, на приеме наследника.

Джамаль

– Невероятно! – восхищённо восклицает Лейла, буквально прилипнув к окну. – Никогда не была здесь в темное время суток. Даже не думала, что отель такой громадный. – Поправив нижнюю часть никаба, она возбужденно оборачивается к Аиде, скромно сложившей ладони на коленях. – Ты видела что-нибудь более красивое?

Я сдержанно улыбаюсь, поправляя галстук. Западный стиль одежды выбран неслучайно. На приеме будут присутствовать в большей степени голливудские звезды, режиссёры, писатели, сценаристы, модельеры, дизайнеры, меценаты, филантропы и бизнесмены. На подобного рода мероприятия национальный костюм необязателен.

– Нет, никогда, – не разделяя энтузиазма моей первой жены, отзывается Ида. Лимузин съезжает с основной трассы на второстепенную. Аида взволнованно впивается тонкими пальцами в колени сквозь шелковую, расшитую серебристыми и золотыми нитями абайю. Из украшений только пара колец и тонкий золотой браслет. Удивительная скромность. Я обеих ни в чем не ограничиваю, но подаркам обычно радуется только Лейла. Этот факт легко объясняется разными условиями и уровнем жизни, в которых воспитывались девушки.

Настороженный взгляд Аиды встречается с моим. Она напряжена, немного испугана. Не могу изучить всю палитру эмоций, потому что вижу только глаза. Я предлагал женам обойтись без никаба, ограничившись платком, но они предпочли привычный стиль. Ида опускает стекло, устремляя взгляд на пустынный пляж с белым песком и прозрачными лазурно-голубыми волнами, мягко надвигающимися на берег залива. Побережье явно манит девушку больше, чем сверкающие огни Luxury Asad Hotels – самого роскошного отеля на побережье. Отдых здесь могут позволить немногие. Шейхи-правители автономных областей Анмара, изнутри похожих на маленькие королевства; крупные бизнесмены, заезжие миллиардеры, аристократы из других стран и

прочая избранная публика. Неудивительно, что Искандер аль-Макум выбрал для проведения грандиозного светского события именно этот отель. И собрал всю элиту, чтобы продемонстрировать миру и потенциальным партнёрам свои высокие идеалы, щедрость, ну и заодно показать, кто правит балом.

Надолго ли?

– Жаль, что мы не успели на аукцион «Лакшери Корп». Он уже закончился, – с сожалением вздыхает Лейла, когда мы приближаемся к веренице других опаздывающих, создавших набольшую пробку перед пропускным пунктом. – Алмазная корпорация шейха Саадата создает необыкновенные украшения. Я читала, что Рашид Саадат пожертвовал несколько эксклюзивных комплектов из последней коллекции, созданных в единственном экземпляре со стартовой ценой от миллиона, – еще один протяжный вздох. Ухмыльнувшись, я переглядываюсь с Аидой, которая выразительно закатывает глаза. После небольшого недопонимания, случившегося пару дней назад, мы больше не поднимали тему отношений и других женщин, и, надеюсь, у нее хватит ума больше не устраивать сцен ревности с попытками опоить меня возбуждающими настойками.

– У тебя недостаточно украшений, Лейла? – сухо спрашиваю я, бросив выразительный взгляд на ее руки, увенчанные сверкающими браслетами и кольцами. – Если ты так хочешь, я могу переговорить с шейхом, предложу ему спроектировать новый дворец в управляемой им провинции, которых, насколько я слышал, там уже не один десяток. И кто знает, может, алмазный король Рашид Бин Мохаммед аль-Саадат найдет для тебя комплект твоей мечты.

– Нет, не надо. Я только на лоты взглянуть хотела, – смущенно потупив взгляд, тараторит Лейла.

– Подъезжаем, – сообщаю я.

Периметр отеля оцеплен суровыми и крепкими, одетыми в дизайнерские костюмы. Эти же внушительного вида стилисты останавливают подъезжающих на люксовых автомобилях гостей, тщательно сверяя приглашения со списком. Некоторых проверяют чуть дольше, некоторых чуть меньше. Мы проезжаем без каких-либо препятствий. Заслуга Таира Кадера, выбившего мне особый статус. Прямо на берегу, перед подсвеченным золотыми огнями огромным отелем

расположены просторные павильоны, в которых в дневное время проводились разнопрофильные благотворительные акции. В одном до сих пор проходит масштабная пресс-конференция известных деятелей киноиндустрии и шоу-бизнеса для самых продаваемых журналов. Разумеется, гонорары за интервью пойдут не в карман артистов, а в фонд помощи детям.

Лимузин паркуется на специально отведённой стоянке, где нас уже ожидает улыбчивая девушка-администратор и провожает в роскошный ресторан, располагающийся в главном корпусе отеля. Зал оформлен с королевским шиком. Броско, дорого, вычурно, местами безвкусно. В глазах пестрит от чрезмерного количества атрибутов люксовой жизни. Яркая, богатая публика сверкает белозубыми улыбками, выгуливает свои эксклюзивные, сшитые на заказ платья и смокинги, блестит дизайнерскими украшениями, смеется, пьет элитное шампанское, пробует изысканные закуски. Шумно, многолюдно, немного душно из-за обилия миллионеров на один квадратный метр площади. Играет музыка, мельтешат туда-сюда проворные официанты. Гости собираются небольшими компаниями, образуя что-то вроде кружков по интересам, где ведут не только светские разговоры, но и заключают крупные сделки. Бизнесмены стараются выжать максимум даже из благого дела.

Аида с Лейлой растерянно озираются по сторонам, стараясь не отставать от меня. У них не большой опыт посещения публичных мероприятий. Я слишком редко и помалу живу в собственной стране, чтобы успевать выводить в свет своих жен.

– Мы не задержимся надолго, – оглянувшись, успокаиваю я их. – Можете пока пройтись, осмотреться. Или музыку послушайте, – киваю в сторону небольшой сцены, располагающейся в глубине зала, на которой выступает ливийская популярная певица под оркестровое сопровождение. – С напитками осторожнее. Лучше спросить у официанта, что в бокале, прежде чем пробовать. Не нервничайте, я рядом.

Проводив взглядом Лейлу с Аидой, примкнувшим к женам одного из шейхов, я оборачиваюсь и практически сразу замечаю решительно направляющегося ко мне Дамира аль-Видада. Как представитель власти, в отличие от большинства гостей, премьер-министр отдал предпочтение традиционной одежде. Волевой жесткий взгляд, суровое лицо с тяжёлым подбородком, крупное телосложение, глубокие носогубные морщины. Ему за шестьдесят, но держится бодро и передвигается браво – для своего возраста.

– Ас-саламу алейкум, Каттан, – приветствует он меня первым, поравнявшись. – Я слышал много хвалебных рекомендаций о проектах, которые заказывали у тебя мои друзья, – сразу переходит к делу. – Говорят, что ты лучший архитектор в Асаде.

– Ва-‘алейкум ас-саля?м, эфенди. Рад встретиться с вами лично, – подчеркнуто вежливо отвечаю я. – Планируете построить дом?

– Да, мой старший сын решил жениться, – потирая подбородок, задумчиво произносит Видад, блеснув благородным блеском камней на унизанных перстнями пальцах. – Хочу сделать подарок. Но сразу должен предупредить, что я очень сложный заказчик. Договориться будет непросто.

– У меня есть несколько новых проектов к рассмотрению и, если вы желаете обсудить их индивидуально, я в вашем полном распоряжении.

– Мне нравится твой подход, Каттан. Готовность сотрудничать, учитывая высказанные предупреждения, похвальна. Это уверенность или смелость?

– И то и другое, советник, – сдержанно отвечаю я, не отводя взгляд от самоуверенного снисходительного лица Дамира аль-Видада.

– Тогда договорились. За тобой приедут, когда у меня появится свободное время, – коротко кивнув, он дает понять, что моя короткая аудиенция закончена, и, окинув меня напоследок придирчивым внимательным взглядом, удаляется в другой конец зала. Разумеется, никакой проект советнику не нужен, и на личной встрече речь пойдет совершенно о других делах. С трудом сдерживаю циничную усмешку, отлично понимая, что в настоящий момент за мной наблюдают десятки пар глаз. Но уже через пару секунд внимание толпы переключается на организатора благотворительного вечера, который уверенно входит в раскрытые двери ресторана со своей спутницей.

Скулы сводит от напряжения, когда мой жадный взгляд буквально приклеивается к темноволосой красавице в длинном, подчеркивающим фигуру элегантном жемчужном платье с открытыми плечами, сочетающемся со стального цвета смокингом Искандера аль-Мактума. Я знал, что увижу ее сегодня, готовился морально, но все внутренние установки летят к чертям,

когда воображаемый образ Эйнин обретает реальность. Когда я видел Эрику в последний раз, ее лицо и руки были в моей крови, а бледные щеки заливали слезы. Я помню ответ, который прочитал в испуганных голубых глазах, когда предложил ей остаться.

Так какого черта ты здесь делаешь, Эйнин? Сумасшедшая неугомонная авантюристка с маниакальной способностью влипнуть в неприятности. У меня зубы сводит, когда я замечаю, как Искандер собственническим жестом дотрагивается до ее локтя и, наклоняясь, что-то быстро говорит на ухо. Подняв голову, Эрика кивает и соблазнительно улыбается ему, хлопая ресницами, как глупая кукла. Ах ты сука. Сердце стучит с переборами, от ярости темнеет в глазах. Я не знаю, что с ней сделаю, если она раздвигает для него ноги. А мисс Доусон может, Шайтан ее поberi. А почему нет? Мисс Доусон нравится трахаться, и нравы страны, где она воспитывалась с девяти лет, позволяют получать удовольствие где угодно и с кем угодно. И она чертовски зла на меня. Нашла отличный повод щелкнуть меня по носу, детка? Готов поклясться, что тебе чертовски не понравится отдача.

Искандер оставляет Эрику одну возле барной стойки и отправляется завоевывать расположение гостей. Я следую взглядом за потенциальным соперником. Надо отдать ему должное, на публику работать он умеет. Сияет доброжелательной располагающей улыбкой, приветствуя собравшихся, останавливаясь возле каждого, пожимая руки и обмениваясь парой фраз. Он выглядит искренним, открытым, готовым к диалогу внимательным собеседником, что подкупает симпатии людей. Молодой, привлекательный, высокий, атлетически сложенный. Смокинг цвета мокрого асфальта сидит на нем как вторая кожа, все движения максимально расслаблены. Он чувствует себя комфортно и уверенно. Пройдясь взглядом по залу, замечаю, как женщины жадно разглядывают его. И дело не в том, что он принц и обладатель миллиардного состояния. Искандер обладает исключительным качеством нравится людям, и знает, как правильно им воспользоваться. Кадер прав в своих опасениях, Искандер аль-Мактум вполне способен сместить отца и сделать это без единого выстрела. Словно почувствовав мой взгляд, Искандер неожиданно прерывает разговор с алмазным шейхом Рашидом Саадатом и, подняв голову, бегло оглядывает зал. Отступаю назад, скрываясь за спинами гостей, и прислоняюсь к одной из гипсовых фигурных колонн, поддерживающих высокий свод потолка из толстого стекла, сквозь которое виднеется звездное небо.

Мое внимание возвращается к Эрике Доусон. Тонкими пальцами она держит бокал шампанского, отпивая содержимое мелкими глотками. Ее волосы крупными локонами струятся вдоль спины и плеч, прикрывая смелый и провокационный для Анмара наряд. Изящное ожерелье обвивает длинную шею, сверкая алмазным блеском. Подозреваю, что это один из лотов из коллекций «Лакшери Корп», на которые хотела «только посмотреть» Лейла.

Плюсую еще один пункт в список вопросов, на которые Эрике придется ответить. Сегодня у нее точно не получится расплатиться с принцем за щедрый подарок. Эрика поворачивается в профиль, перебрасывая волосы через плечо, рассеянно блуждая взглядом по лицам гостей. Она выглядит вызывающе, сексуально и раскованно, и дело не в платье, которое на другой бы женщине смотрелось совершенно иначе. Эрика Доусон сама по себе источает секс. Грация и чувственность в каждом жесте, походке, наклоне головы, улыбке, взмахе ресниц. Я смотрю на нее всего несколько секунд, а член уже встал по стойке смирно, распирая ширинку брюк. То же самое происходило и в первую нашу встречу на выставке, и во все последующие. Сейчас эмоции мощнее, потому что я знаю, каково это – трахать ее до полной потери контроля, без продыху и остановки, доводить ее до диких криков и отчаянных стонов, вбиваться на бешеной скорости и смотреть, как она кончает, заливаясь румянцем, кусая губы и запрокидывая голову, разрывая острыми ноготками мою спину. Меня бросает в жар от калейдоскопа горячих воспоминаний, спина под смокингом покрывается испариной, пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки и впервые не чувствую боли в левой ладони, потому что ощущение давления в паху беспокоит меня больше.

«Если она проблема, я ее уничтожу», – слова Кадера всплывают в памяти, мгновенно отрезвляя меня. Она проблема, черт возьми. Еще какая. Сейчас я сам готов уничтожить суку, заметив, что, как и все женщины в зале, она неотрывно наблюдает за Искандером аль-Мактумом, а тот, время от времени оборачиваясь, посылает ей пламенные взгляды.

К черту, надо сваливать отсюда, пока я не слетел с катушек и не придушил Эрику прямо здесь. Мы скоро встретимся, и в более подходящих для приватной беседы условиях. Пусть наслаждается вечером. У нее осталось на это не больше пары часов. Отрываюсь от колонны и стремительной походкой направляюсь к своим закутаным с ног до головы женам. Брошенные своими собеседницами, они скромно стоят возле журчащего фонтанчика в форме лотоса и с нескрываемым изумлением разглядывают полураздетых актрис и моделей,

которые пьют шампанское и громко смеются над шутками своих спутников.

– Мы уезжаем домой, – сообщаю я, и Лейла благодарно улыбается, не скрывая облегчения. Аида поддерживает ее быстрым кивком головы. Сделав знак идти за мной, я направляюсь к выходу и намеренно прохожу мимо Искандера аль-Мактума. Он замечает меня, когда между нами остается десяток шагов. Одного быстрого взгляда на его потемневшее лицо достаточно, чтобы понять, что еще одно опасение Кадера нашло подтверждение. Искандер узнал меня. И он видит во мне угрозу. Я мгновенно улавливаю волны напряжения и агрессивной энергии, исходящие от аль-Мактума, несмотря на то, что между нами находятся другие гости. Голливудская улыбка на губах принца, обращенная к собеседнику, испаряется, в светлых глазах появляется ледяное жесткое выражение. Изучающий взгляд оценивающе проходит по мне вверх-вниз, задержавшись на оставшемся от ранения шраме на шее. Я резкорываю зрительный контакт, сворачиваю в проход, ведущий к выходу из ресторана, затылком чувствуя сверлящий взгляд Искандера.

Глава 5

Рика

– Искандер, я немного устала, – мягким тоном обращаюсь к принцу. Аль-Мактум подходит ко мне лишь через сорок минут общения с чиновниками и представителями нефтегазовой промышленности из других стран. С шампанским давно покончено, и, умирая от скуки у барной стойки, я медленно потягиваю воду с лимоном, пытаюсь хотя бы изнутри очистить себя от постоянных осуждающих взглядов. Если честно, создается впечатление, что местным женщинам просто больше нечем заняться. Но лишнее внимание действительно утомило меня, и очень скоро я понимаю, что с гораздо большей пользой провела бы этот вечер, оставшись в резиденции с детьми. Поиграли бы в настольные игры, порисовали вместе с Резой... я бы узнала как можно больше об Эмили, с которой мысленно срослась так сильно, что даже порой пугалась своей одержимой привязанности к девочке: меня не покидало настойчивое чувство эмоциональной связи с Эмили и долга перед малышкой. Что бы со мной ни случилось, как бы тяжело ни было отвергать внимание Мактума и отдалять секунду нашего сближения, я не покину Анмар, пока не вызволю ее из адского

логова. – Мне неудобно просить тебя об этом, но я бы хотела вернуться в резиденцию, – губы Искандера сужаются до тонкой линии, ему явно не нравится тот факт, что его спутница собралась «слинять» раньше времени.

– Подождешь еще час и поедешь со мной, или хочешь уехать прямо сейчас? – уточняет Искандер, вскидывая брови, и беглым взглядом окидывает большой зал, будто высматривает особо важную персону, с которой ему необходимо решить важные вопросы. Хотя, судя по тону его голоса, наследник бы и сам с удовольствием покинул свое же мероприятие вместе со мной.

– Я бы хотела уехать сейчас. Прости меня. Жутко кружится голова от спиртного. Я как маленькая, – наигранно страдальческим тоном выдыхаю я, слегка помахав на себя кистью руки. Выражение лица принца отображает искреннее беспокойство, что довольно мило с его стороны.

– Мне бы не хотелось отпускать тебя одну, учитывая тот факт, что на тебя сегодня смотрели все, кому не лень, – в который раз за вечер он собственническим жестом сжимает мой локоть, язык его тела кричит мне о том, что Искандер очень не хочет никуда меня отпускать, и ему необходимо держать меня на коротком поводке. Зачем? Вопрос, на который у меня пока нет ответа. Это может быть как искренней симпатией, так и проявлением скрытых мотивов, которые он преследует, общаясь со мной.

– Боишься, что украдут прямо из-под твоего носа? – заливаясь смехом, откровенно флиртую я. – Не сомневаюсь, что твоей охране я могу доверять.

– Мустафа – надежный человек, и я знаю, что он отдаст жизнь за меня и мои интересы, – сканирующий взгляд Искандера скользит по моему лицу, тон его голоса и словосочетание «мои интересы» мне определенно не нравятся, но я держу язык за зубами, чтобы не ляпнуть какую-нибудь грубость в сторону принца. – Хорошо, можешь ехать.

– Спасибо, – медленно освобождаясь от руки Аль-Мактума, коротким взмахом ладони прощаюсь с ним и направляюсь к водителю и одновременно телохранителю Искандера. Без особой тоски покидаю пределы отеля «Лакшери Асад хотел» под аккомпанемент печального завывания слова «хабиби» в исполнении популярного анмарского певца. Мустафа открывает передо мной дверь черного Mercedes`а и, замечая мое напряжение при виде новой машины,

спешит уточнить:

– Maserati будет ждать сайиди, мисс Доусон. Вам предоставлен другой автомобиль. Что-то не так? – поясняет водитель, поправляя темные очки, съехавшие на переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/meyer_lana/maktub-kniga-3-princ-anmara

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)